

Resolutions of 2nd International Zavoloko Conference

The 2nd International Zavoloko Conference "Life as Service" was dedicated to the memory of Ivan Nikiforovich Zavoloko, an outstanding representative of Pomorye Old Belief whose 110th anniversary was celebrated on December 17, 2007. Representatives of the Old Believer Church of Pomorye, scientists and Old Belief researchers from Latvia, Estonia, Lithuania, Russia, Belarus and Japan participated in the conference work.

At the final plenary session the participants noted the importance of discussions and admitted that the conference met international standards. They approved the following decisions:

1. to proceed the work of the International Zavoloko Conference in next years;
2. to submit an application to the Riga City Council to name one of the city streets after Ivan Nikiforovich Zavoloko;
3. to expand and strengthen contacts among Old Believer communities;
4. to use the International Zavoloko Conference as an exchange of experience in different fields of spiritual and cultural life;
5. to promote and support spiritual and cultural heritage of Old Belief, thus encouraging growth of tolerance in society;
6. to involve young people to study spiritual and cultural heritage of Old Believers;
7. to support the cultural dialogue between the Old Believers and other ethnic and religious communities, promoting social integration process.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

*Вера Васильевна Кобко,
заведующая реставрационной мастерской
Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева
Владивосток, Россия*

СЕЛО ДЕРСУ. МЕСТО ВСТРЕЧИ?

(по полевым материалам Приморского государственного музея
им. В.К. Арсеньева июль-август 2009 г.)

Каждый год, вот уже больше 25 лет, мы отправляемся в очередную экспедицию.

В этом году наш маршрут пролегал в Красноармейский район Приморья. Важных причин вернуться в этот район, где побывали в середине 90-х гг. XX в. лишь проездом, было две. Во-первых, этот район позднего заселения старообрядцами был знаком нам, в основном, по архивным материалам да воспоминаниям информантов, уже давно не живущих там. Вторая причина была у всех на слуху. В течение весны и лета 2009 г. внимание многих мировых и российских новостных каналов было приковано к умиравшей приморской деревеньке Дерсу (бывшее село Лаулю), что в Красноармейском районе. Информационным поводом стало переселение именно в это таежное поселение Приморья нескольких старообрядческих семей из Южной Америки. Факт ставший пока скорее знакомым, символичным, чем реальным и массовым. "Население России сокращается, и она зовет к себе своих детей из-за границы" (газета "Нью Йорк таймс" США); "Дым отечества манит старообрядцев из Бразилии" (газета "Труд"); "Возвращение староверов. Из Южной Америки в Приморье готовы переехать 70 семей" (газета "Аргументы и факты") и др. Так или иначе, на родину начала возвращаться диаспора приморских старообрядцев, покинувших родину в начале 30-х гг. XX в. в связи с насильственной коллективизацией и репрессиями.

В середине 80-х годов прошлого века, когда мы только начинали наши исследования, я в самых смелых своих мечтах не могла себе представить, что возвращение приморцев на родину станет реальным фактом. И вот сегодня на наших глазах начинается

уникальный процесс: две ветви одного согласия, родственные семьи, разделенные 80 годами жизни, сделали первый шаг к воссоединению. Приморское село Дерсу стало местом Встречи.

Еще ранней весной 2009 г. в заглавии статьи я уверенно бы поставила точку в конце фразы. Сегодня я с горечью ставлю большой знак вопроса. Помню, во время разговора со старожилками с. Дерсу Натальей и Ульяной, больно резанула их фраза, брошенная не известно кому в упрек: “А мы откуда со своей Родины не бегали...”. Я поймала себя на мысли: “Так нужна ли Встреча? Или эти сломанные ветви никогда не ощутят себя частью единого древа? Не примут пути, пройденного ими до Встречи?”

Наш материал о первых впечатлениях и встречах за 14 дней экспедиции в с. Дерсу. Статья содержит в себе выдержки из полевого дневника с некоторыми комментариями, исторические справки, цитаты из интервью со старообрядцами – коренными жителями села и старообрядцами – переселенцами из Южной Америки.

С холодами из Уругвая Василием Реутовым и Алексеем Килиным я познакомилась еще в феврале во время самой их первой, пока разведывательной поездки в Приморье. Уже тогда они склонялись к переселению в таежный Красноармейский район. В этих местах когда-то жили их родственники, но главное, там им была обещана реальная помощь в отведении земли, закупке техники. Именно там и местные власти, и государственные организации, и предприниматели сразу обозначили свою серьезную заинтересованность в переселении старообрядцев и деловом сотрудничестве с ними. Руководство одного из крупнейших учреждений в районе ФГУП Национальный парк “Удэгейская легенда” (директор Ф.В. Крониковский) уже при первой встрече с потенциальными переселенцами заговорило об перспективных обюкловых планах: участие староверов в экологическом туризме, охране природы от браконьеров. Власть района хотели бы с помощью староверов возродить жизнь умирающих сел. Предприниматели воодушевляли потенциальные возможности многодетных старообрядческих семей в деле возрождения фермерства в районе, участие их в выращивании экологически чистой сельхозпродукции, собирательства диких ос, пчеловодстве... Что уж говорить о ходоках-староверах: от услышанных перспектив голова закружилась даже у меня... Предвидя мои опасения, Василий попытался успокоить меня да, видимо, и себя тоже: “Нам рассказывали про чиновников, конечно...

Но мы почувствуем, не переживайте... Нас принимали в районах на уровне первых лиц. Здесь не может быть обмана”. Действительно, – подумала я, – Может, что уже и изменилось. Вот даже такую неразрешимую с момента основания села Дерсу проблему как мост через р. Большую Усурку обещали тут решить с помощью ка-кой-то военной организации. Мол, и мост-то готов, осталось перевезти...”

Но им многое предстояло для себя открыть. Прошел месяц со времени нашей первой встречи с уругвайцами, дело близилось к весне. Если уж переселять семьи, то непременно ко времени посева, иначе зиму не пережить. Глаза наших знакомых все больше грустнели: главная проблема с долгосрочной арендой земли так и не была решена. А с мостом-то и подавно!!! Нет земли – нет интереса. Все предварительные наброски бизнес – планов Василия рушились. “Может, взытки хотяг? – осторожно предположила я. “Нет, мы привыкли все делать честно, у нас дома нечестность дорожке обходится” – объяснял Василий. С чувством горечи и неопределенности уезжал Василий за семьями. Алексей остался в Дерсу. В его обязанность входила подготовка жилья (глава фермерского хозяйства “Сибучары” А.В. Омелянович передал принадлежащие ему два дома в с. Дерсу для размещения в них семей старообрядцев), вспашка земли для посадок. Поскольку проблема с землей так и не была решена, засеивать пришлось брошенные огороды бывших жителей Дерсу. И вот в самом конце мая семьи прибыли в Приморье.

Самое искреннее участие во встрече старообрядческих семей и помощи им приняли Национальный парк, предприниматели, жители окрестных сел, местные староверы, и, что очень порадовало, православный новообрядческий священник отец Евгений. Переселенцамнесли семена для посадок, одежду, обувь, и даже живность.

Переселенцы – это три родственные семьи. Глава большой семьи Килиных – Федор Савельевич, 1941 г.р. с. Удан на р. Чел, Китай. Его жена Татьяна Ивановна (девичья Мартюшева) 1944 г.р. с. Селинхэ, Китай. Имеют 10 детей. Вместе с родителями в Россию переехали их дочери с семьями – Ольга (муж Василий Реутов), Агафья (муж Петр Фефелов), Надежда и сын Алексей.

Так удачно сложилось, что в связи с “великим переселением” у предпринимателей, районных властей, общественных организаций появился интерес к нашим многолетним исследованиям по старообрядчеству. Поэтому самый большой вопрос о финансировании

экспедиции решился буквально в один момент. Дорогу туда и обратно брал на себя предприниматель А.В. Омелянович, глава фермерского хозяйства “Сибучары”, а проживание и передвижение на месте – ФГУП Национальный парк “Удэгейская легенда”.

... Из полевого дневника ПГОМ...

23.07.09г. 6 часов утра

Выехали из Владивостока в Красноармейский район. Состав экспедиции: В.В. Кобко, Н.Б. Керчелаева. За рулем А.В. Омелянович. За время почти девятичасового пути Анатолий Васильевич рассказывает последние новости об уругвайских староверах. Семья Василия Реутова разместились на пасеке “Сибучары”, принадлежавшей Анатолию Васильевичу и расположенной на территории Национального парка. Здесь же живет и работает помощником пасечника Алексей Килин. Как у него получается? Да по-разному. Опыта общения с российскими пчелами у Алексея не было, но схватывает на лету. В технике парень разбирается отлично: любую машину починит. По словам Алексея, содержание наших пчел и уход за ними в отличие от их южно-американских пчел гораздо сложнее, но зато наши пчелы совсем не злые. Он работает с ним почти всегда без шляпы и дымаря. Ольга, жена Василия, работает на пасеке во время очередного заезда туристов или детской туристической смены поваром, дети помогают. Семья старейшины в этой группе переселенцев Федора Савельевича Килина, а также семьи его дочерей разместились в Дерсу. Окружающее население относится к переселенцам радушно, помогают, кто, чем может. Впрочем, через несколько часов нам все предстояло увидеть самим.

15.00 п.Роцино. Здание бывшего леспромхоза, в котором расположен ФГУП Национальный парк “Удэгейская легенда”.

Нас уже ждали сотрудники парка. Наконец, произошло личное знакомство с Еленой Голобоковой, с которой длительное время были знакомы только заочно, обмениваясь новостями о жизни староверов в Красноармейском районе. Здесь же мы уточнили наши перспективные совместные планы о дальнейшем продвижении в Дерсу. Как я уже упоминала, главным препятствием на пути в Дерсу была река, которая за время непрекращающихся нынешних летних дождей и тайфунов вышла из берегов, разрушив единственную нить сообщения – подвесной мост. Из-за этой проблемы мы вынуждены были уже дважды

переносить сроки нашей экспедиции. Выезжая из Владивостока, мы не были уверены, что сможем добраться до Дерсу, больше надеясь на “авось” уже на месте. “Авось” оправдало наши надежды. Все склады-валось отлично: сотрудники Парка смогут доставить нас до места через семь дней. Ура! У нас остается время для работы в селах, где когда-то проживали старообрядцы – Мельничном (бывший Сидатун), Роцино и Востречово (бывший Картун). По рассказам местных жителей, мы знали, что в Дерсу, кроме приезжих, проживает сегодня двенадцать человек. И только две из них – старушки из старообрядческих семей, проживших в этом селе всю жизнь. Мы понимали, что остальных информантов нам придется искать в окрестных поселках.

Дали первое интервью сотрудникам информационного отдела Парка, рассказав о своих намерениях и планах экспедиции.

Ну, раз у нас есть несколько дней нашу работу мы решаем начать с самого отдаленного поселка в верховьях Имана – Мельничного, старое название которого Сидатун. Добраться до него представляло определенную сложность: автобусное сообщение с этим поселком, кажется, один раз в неделю, во всяком случае, на сегодняшний рейс рассчитывать было нельзя. Выручил опять Анатолий Васильевич, несмотря на то, что с шести утра за рулем, а ехать нам до Мельничного еще часа четыре. Через три часа мы уже были в селе. Поселили нас в конторе “ООО ОиР”, что означает Общество с ограниченной ответственностью “Общество охотников и рыболовов “Сидатун”. Олег Александрович Юшкин, руководитель организации, очень извинялся, что удобств минимум, что днем наше пристанище – рабочий кабинет, поэтому мы можем располагать комнатой только в послерабочее время. Олег Александрович тут же принес нам из своего дома чистые постельные принадлежности и две банки свежайшего клубничного варенья и душистого меда. Олег Александрович принадлежит к тем редким людям, для которых жизнь никогда не перестает быть интересной. Сам старожил поселка, по образованию учитель истории, приехал сюда по распределению. Учительствовал, потом профессионально занялся охотой. Получив серьезную травму на охоте, чудом остался живым. Теперь возглавляет Общество и “привыкает” к жизни чиновника, что в силу его энергичности, дается ему с неимоверным трудом. Почти каждый вечер он заходит к нам на огонек, рассказывает нас о старообрядцах, их истории в нашем крае. В свою очередь нам очень интересны его рассказы о поселке, о людях.

Я побывала в с. Мельничном еще в 1996 г. очень недолго и почти случайно. Мы возвращались во Владивосток из экспедиции по Тернейскому району. В надежде попасть в один из самых отдаленных и труднодоступных старообрядческих поселений – Дерсу, мы свернули на дальнереченскую трассу, но и тогда очередной сильнейший тайфун опередил нас: дороги размыты, мосты снесены. Мельничное стало единственным населенным пунктом, куда мы смогли добраться. Тогда я в течение дня пыталась найти хоть какие-то следы пребывания староверов, но ... безрезультатно. Нехватка времени казалась тогда мне единственной причиной моей неудачи..

25.07.09 – 27.07.09 г. с. Мельничное

К концу первого дня мы начали понимать, что четырех дней, отведенных на Мельничное нам будет многовато. В поселке проживало несколько старообрядческих семей, причем, часть из них переехала сюда недавно из других мест. Возраст информантов – за пятьдесят лет. Возраст сложноват для получения информации: сознательная жизнь людей этого возраста прошла в атеистические времена при советской власти, скорее всего воспитывались в интернате, в отрыве от родителей, затем женитьба и окончательное отделение от родителей. “Не знаю”, “не помню”, “не рассказывали”, “нет, фотографии не сохранились” – такие ответы нам пришлось выслушивать в течение всего времени пребывания в Мельничном. Да, информации, откровенно говоря, удалось получить немного. В этом селе в глублинке Приморья, на сегодняшний день нет ни православной общины, ни православного храма. Зато благоденствует довольно крупная община христиан-евангелистов (пятидесятников). Наши собеседники сетовали, что многие их односельчане пожилые, да и молодые ушли в эту религию, ведь больше-то в случае чего и голову приклонить некуда... “Своих корней не знаем, а здесь с Богом вроде...” Через два дня мы, обескураженные и опустошенные, покидали Мельничное на полупутной машине. Ни одной фотографии, ни одного документа, ни предмета... Такого с нами еще никогда не случалось... Но впереди еще несколько дней работы.

28.07.09 г. – 29.07.09 г. п. Рошино

Гостеприимные хозяева из Национального парка отвезли нас к месту проживания. Устроились мы в маленькой уютной комнатке

турбазы Парка. Во дворе живет заласканный всеми обитателями базы кот по имени Пашка. Очень общительный. В большом доме базы не было никого, но зато все последующие дни мы не успевали даже запоминать своих соседей: работники Парка, студенты-практиканты, биологи, орнитологи, географы из Москвы, Петербурга, волонтеры из Владивостока постоянно менялись.

Показалось сначала, что база очень далеко от поселка, но когда проделали весь путь пешком самостоятельно, поняли, что нам хватает минут двадцать-двадцать пять быстрой ходьбы до центра поселка.

Дом супругов Верещагиных мы нашли сразу. Встреча с ними вознаградила нас за Сидатун. Их семьи Выголовых и Верещагиных оказались потомками основателей села.

Мы просидели с ними до позднего вечера. А потом не прошло и дня, чтобы мы не забежали к ним за советом или поделиться новостями. Хозяева поделились с нами не только воспоминаниями.

(См. фото № 1 на цветной вставке V)

Сверстница Верещагиных Маргана Тимофеевна Шевкунова переехала из Лауло в Рошино тоже давно. Она происходит из не менее старинного и известного на Дальнем Востоке рода Черепановых.

Здесь же в Рошино мы познакомились с потомками других известных родов из Приморья – Селетковыми, Мартыновыми.

(См. фото № 2 на цветной вставке V)

С несколькими ветвями рода Селетковых нам довелось познакомиться лет десять назад. Но все они проживают в Хабаровском крае. Наши новые знакомые оказались из совершенно неизвестного для нас ветви рода Мамонта Селеткова. Вот, пожалуй, и все представители самой крупной в Красноармейском районе общины. “Ну, какая мы община... Нас так мало, мы только еще возвращаемся в веру-то, разбаловались при советской-то власти...”

Все местные жители, конечно, знали о переезде уругвайцев в Дерсу и живо интересовались у нас новостями. “О, такие строгие они... Мы послали к ним Ивана, набрали молока, сметанки ему, одежды... Так они одежду взяли, а от продуктов-то отказались. Не можно, говорят нам. А что такое? Ну, мы не обиделись... Вот беспокоимся мы, надолго ли они к нам, или побегут назад? Не знаете? Мы вот думаем, дрова-то они не заготавливают, значит, не собираются зимовать? С нами молиться, наверное, не станут... Ну, поклон им передайте. Здесь все об их говорят, но думают, что не выдержат, уедут”.

Вечером, возвращаясь на базу, мы увидели в поселке молодого мужчину сразу выделяющегося на фоне жителей села: рослого, в рубахе-косоворотке, в шляпе, бородатого. Подумалось: наверно, кто-то из уругвайцев. И верно, им и оказался Петр Фефелов, приезжавший из Дерсу в Рошино по делам. Всем "новым", как их здесь называют староверам, администрация Парка разрешает бесплатно останавливаться, если это необходимо, на ночлег на турбазе. Вечером Петр заглянул в наш домик (ночевал он в отдельной сторожке) познакомиться. Мы ужинали. Как ни уговаривали его взять на ужин овощей хотя бы, подаренных нам староверами, Петр не взял со стола ни крошки: "Спаси Христос, у меня все с собой есть. Я взял из дома и воды, и хлеба".

30.07.09

Сегодня мы уезжаем в Дерсу!!! Нам столько рассказали об этом селе, что с нетерпением ждем встречи.

В 10.00 за нами захал великолепный водитель Парка Олег Людвигович. В машине уже сидел Василий Реутов, приехавший ночным поездом. Через несколько минут мы все, плотно утрамбованные в машину, мчались к переправе через Большую Уссурку. На первый беглый взгляд, на берегу не было заметно никаких следов разгула стихии: река вошла в берега, оставив лишь на берегу траву и кусты, облитые глиняной глазурью Подвесной мост очень живописно парил в высоте. Мужчины с машиной отправились через реку на пароме, а мы с Ниной не могли упустить возможность пройти по мосту...

(См. фото № 3, 4 на цветной вставке V)

На другой стороне, пройдя контрольный пункт Национального парка, мы преодолели последние километры до Дерсу. За нами оказались высокие скалы, с вершинами поросшими деревьями и кустарником. По обе стороны машины тянулись заброшенные поля с высокой травой. Неожиданно дорога оборвалась, и мы оказались на окраине поселка рядом с большим деревянным домом. Вся семья переселенцев Килиных встретила нас у калитки. Не успели мы опомниться, как парковская машина унеслась дальше по своим делам. Мы остались...

Федор Савельевич был уже заранее предупрежден Василием о нашем приезде, поэтому особо представляться не пришлось. Мы все расположились на крыльце... Затевать серьезный разговор было

234

поздновато – вечерело, и мы все с удовольствием рассматривали фотографии из моего путешествия в Австралию. Килины узнавали знакомых, родственников. Но все-таки нужно было подумать и о ночлеге. Сгеснять хозяев нам не хотелось... Федор Савельевич, немного подумав, предложил: "Мы тут семейно дом приволили в порядок, красили да че... Хозяин живет в Рошино, а ключ у меня. Поживите пока". По дороге Федор Савельевич рассказал, что электричество в поселке дают на два часа поздно вечером с 9 до 11. Ну, что ж... Мы по собственному опыту знаем, что так приходится жить населению больших и маленьких поселков в Приморье. Дом, в котором мы устраивались на жительство, оказывается, облюбовали кроме нас еще два роя диких пчел. Они облепили окна, оклеенные полиэтиленовой пленкой. "Ну, не бойтесь, не будете махать руками, так оне не тронут", – пообещал нам Федор Савельевич. Договорившись о планах работы на последующие дни, мы остались обустроиваться на ночлег.

Ну, хорошо, нет электричества, но печка-то есть! И мы попытались ее растопить... Через пять минут дом был заполнен белым дымом. Нет, трубу мы открыть не забыли, но дым почему-то продолжал наполнять дом. Борьба с печкой завершилась полным нашим поражением. Мы вынуждены были на какое-то время ретироваться из дома, открыв все окна и двери... Только приехавший на следующий день хозяин дома объяснил, что на крыше просто сломана труба. Но нет худа без добра: зато пчелиные рои окончательно переместились в подполье и нас уже не беспокоили. Света в своем доме, кстати сказать, мы так и не дождались вообще, оказывается старая проводка где-то дала сбой.

За долгие годы полевой работы сам собой сложился бычац: в первый же день знакомиться с местом, где мы будем работать. Ну, поздороваться что ли... Пройти по ближайшим улицам, подышать его воздухом, прислушаться к нему, почувствовать его... Но никогда ранее нам еще не приходилось гулять поздним вечером по селу-призраку Жутковато. Ни звука, ни огня... Кажется, на небе с его яркими низко висящими звездами и луной было веселее... Они, как могли, скрашивали нашу прогулку, но, несмотря на это, мы не рисковали уходить далеко от дома и отложили знакомство на завтра.

31.07.09

Утро. Уже прокричали петухи у нашей соседки Тамары. Они с мужем переехали в Дерсу еще в 70-х гг. XX в., купили дом наших

235

знакомых Верещагиных, не старообрядцы. Хозяйство держат большое куры, коровы. Из пьющих, к сожалению... Впрочем, как и большинство их односельчан. Женщин в селе трое. Остальные – одинокие мужчины 40-50 лет, потомки старообрядческих семей. Двое из них занимают единственные рабочие должности в селе. Они “контролируют” главную кнопку в селе – включают и выключают электричество. Другие выживают огородами, охотой, рыбалкой. Раз в месяц сельчане делают заказы местному торговцу, который привозит хлеб, необходимые продукты.

(См. фото № 5 на цветной вставке V)

Солнце еще только восходило и не успело убрать туман, ключьями висевший на вершинах скалы, деревьях. Не спалось не нам одним: удаляясь от нас по направлению к телефонной будке, шла Надежда Килина: изящная фигура в длинном синем сарафане, коса до пояса, грациозная походка... С трудом верилось, что “картинка” эта из XXI века. Наверное, идет звонить на родину, в Уругвай, подумали мы. Кстати, будку установили только после приезда уругвайцев, до этого связи с большим миром – никакой.

Сегодня, поскольку вся семья Килиных работает на прополке и косье, мы идем знакомиться со старейшинами села Леоновой Натальей и Мартыновой Ульяной. “Дом, где две елки, вот там оне и живут, их дома рядом”, – подсказали нам Килины.

Мы идем по селу. Из зарослей травы, выглядывали остовы, крыши брошенных, полуразрушенных домов, но довольно много было домов, выглядевших на первый взгляд вполне сносно. На дверях некоторых из них висели замки, значит, хозяева у этих домов есть... Мы прошли для начала всю улицу из конца в конец. Ноги просто сами несли нас, и невозможно было прервать это удовольствие. Свежая зелень, тишина. ...Наконец, улица как-то резко начала суживаться и плавно перешла в лесную тропинку под арку из деревьев. Нужно было возвращаться.

Обеих подружек мы застали в доме у Натальи. Их традиционный утренний разговор был прерван нашим приходом. Мы представились. Ульяна Еупловна, продолжает прерванный разговор: “Вот я и говорю. У нас рядом с домом телефонную будку поставили недавно, дак я счас смеялась над собой. Мы с тобой (обращается к Наталье) сидим как курицы мокрые здесь, а эта пришла, с Уругвая-то, которы приехали, пришла она звонить по телефону. Я говорю: “Ну, и куда ты

дозвонилась?” Она говорит, вот забыла-то... ну, три тыщи километров еще от Уругвая... вот дозвонилась... кака-то крестна ее ждала... Вот куда дозвонилась!!! А мы, говорю, с тобой сидим, как мокры курицы, дальше своёва двора ниче не видим...” (смеется).¹

Многое нам послышалось в этой горькой усмешке старых женщин над собой: горечь, восхищение, но больше кольнула некая отстраненность и отдаленность “их” от “приезжих”, новых староверов. Не желая сразу заострять внимание на отношениях с уругвайцами, мы разговорились о селе. Воспоминания женщин прерывались то смехом, то слезами. ...

Вечером того же дня дочка Петра пригласили нас прогуляться к реке. Мы с Ниной не могли налюбоваться на девчонок: им лет тринадцать-четыренадцать. Всем взяли и красотой, и статью. Одеты по “американской моде” – платья-сарафаны. Платье длинное, у тувель видны только носки. Наши староверки такую одежду не принимают, а уж как в ней можно работать – совсем не понимают. Но мы наблюдали, как ловко, связав или подоткнув юбку работали в огороде женщины и девочки. Мы идем по цветочному полю: желтые, лиловые, белые цветы... “Сколько цветков у вас, нам это очень непривычно... в Уругвае, если не посадишь, то цветы просто так не вырастают...”. Мы спрашиваем о их впечатлении от России. “Нам очень здесь все нравится... нам не скучно”. Позднее мы спросили у Петра: “Где ж девчонкам женихов сыскать здесь?” “За это мы не беспокоимся. Уже к нам приезжали свататься с Хабаровского края, свои староверы... Но они еще молоденькие же.. Пусть подрастут”. Ну, и мы успокоились.

01.08.09г.

Мы пришли к Килиным по договоренности к 10 утра. Федор Савельевич только вернулся: он уже успел покосить, поработать в мастерской и сбегать по поводу “нового” жилья. Жилье одна из самых больших проблем переселенцев. В распоряжении четырех семей – два приспособленных дома, которые, понятно, нуждаются в ремонте. Две семьи ютятся в одном доме, Надежда – в другом, рядом. Семью Василия, как я уже говорила, приютит все тот же А.В. Омелянович. Вообще, в Дерсу довольно много хорошо сохранившихся домов. Но

¹ ПД (Полевой дневник Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева, далее – ПД) № 28. С. 36

все они стоят заколоченными. Почему? Чьи они? Оказывается, дома давно раскуплены, а их владельцы живут, может – далеко, может – рядом... но многие себя уже очень давно не обнаруживают. Но стоит только пусть, даже случайно, открыть дверь на территорию двора, они – тут как тут. Собственник не дремлет. Мое!!! Но участка какого-то в возрождении села не принимают. Федору Савельевичу все-таки повезло. Один из старожилов села, насзажающих только в летний период, уступил небольшую избушку, где доживали век его родители. Мы с Федором Савельевичем тоже приняли участие в осмотре.

– Федор Савельевич! Так здесь работы!! Полстены стгнило, окна, крыша, печь...

– А для меня это не трудно. Я все сделаю сам, печь переложу, я умею.

После завтрака, садимся с Федором Савельевичем работать. Женская половина дома занята приготовлением обеда и прополкой. После обеда к нам за большой стол собирается вся семья... Наши разговор, воспоминания родителей интересны всем. Вместе со старшим поколением вспоминаем о жизни в Китае, со средним поколением – о жизни в Бразилии, Уругвае...

Вечером нас пригласили на службу. “Мы семейно только здесь молимся, большой службы у нас нет”. В положенное время мы пришли в дом Федора Савельевича. Одна из небольших комнат была отведена под моленную. Вскоре подошла вся семья и молодой человек явно местного происхождения. “Это Юрий, из местных, – объясняет Татьяна Ивановна. Вобщем-то он из староверов, но за свою жизнь здесь в одиночестве все прошел, разны веры видел. К нам прибился... а пусть ходит, он не пьет, не курит, молится, но крестом с нами не мешается”. В качестве жениха кандидатура для незамужней старшей одинокой с сыном Надежды Юрий не рассматривается, хотя видимо, он был бы рад такому повороту дел: мы частенько видели его помощь Надежде: и воду принесет, и дрова наколет, с огородом помогает управлять.

К великому сожалению, даже в этом малом стаде единоверцев с. Дерсу нет согласия. Сегодня Наталья и Ульяна на наш вопрос о совместной молитве с “новыми” староверами уклончиво отвечали: “А куда ж нам ходить? Далеко до них... Ноги больные”, позднее с горечью сетовали “А они не будут с нами молиться: мы пенсию по-

лучаем. И хлеб покупаем... Но нам кажется, како-то все-таки различие есть...”. “Да, нет у нас отличий с ними, нет, – возражает Федор Савельевич, – ну, разве что хлеб они покупают. Хлеб покупной, он на дрожжах делается, а там хмель... мы его завиняем. Свойский хлеб на закваске без хмеля делаем”. “А вы присмотритесь к ним, разберитесь, – советует наша подозрительная пьющая соседка, – оне не колдуны ли? Вот я их к своим коровам подпускала, молоко-то их детям нужно... Так у меня корова погом заболела. Больше не пускаю, сама дою да им даю”.

Если углубиться в тонкости вероисповедания бывших и настоящих приморцев, то разницы между ними, действительно, нет. Те и другие принадлежат к группе староверов часовенного согласия, имеющей особенности в водосвятных обычаях: не имеют Спасовской воды, имеют потопственную Великую Вечернюю Богоявленскую воду и потопственную Утреннюю Богоявленскую воду. Приморской диаспоре за рубежом в условиях иноязычного окружения удалось сохранить эти религиозные особенности. Малочисленность и наступившие времена всеобщего атеизма не способствовали сохранению этой традиции предков в Приморье. Наталья и Ульяна, действительно, помнили, что Спасовской воды у их родителей никогда и не было, а потопственная Утренняя Богоявленская была со временем утрачена.

Леонова Наталья Григорьевна: “У нас бабушка была (Селеткова – Мартюшева), утреннюю пили, а счас только вечером пьем. Я ходила утром на речку, бабушка помолится, польем... Тогда в моленну не ходили... Все дома делали... У нас Спасовской воды нет, только Крещенская”.

Воссоединившись в Дерсу, две эти ветви пока присматриваются друг к другу, чтобы точно знать, не погрешил ли кто из них против истинной веры за годы странствий ТАМ и времена коммунизма и атеизма ЗДЕСЬ.

“В России истинную веру сохранять сложнее (исключение составляют скиты), – рассуждал Василий Реутов. Ведь мы здесь в окружении православных и близких других вер – католиков. Православные говорят: “Давайте объединиться, ведь в наших книгах и обрядах почти нет различий”. Для нестойких или не понимающих глубоко этих “маленьких” различий, такие речи великое искушение. Сказано

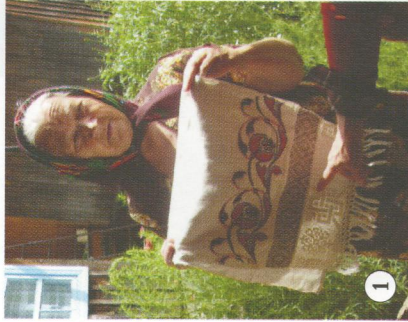
где-то в Писании, что вера истинная сохранится под крылом Змея. Вот и нашим, когда они ушли в Китай, стало проще сохранить веру. Китай и есть этот Змей – воплощение язычества с идоложертвенными обычаями. Нам несложно было в отношении веры и в Южной Америке. Они веры нашей не касались, а вот трудолюбие наше, трезвость и смекалку очень даже ценили. Нас даже во время призывов в тамошнюю армию освобождали, потому что мы много больше пользы стра- не принесли, чем если бы в армии были. Мэры городов в Бразилии говорили, что им нужны богатые люди”.

1.08.09

Сегодня воскресенье, и Кирины готовы работать с нами целый день. Первый визит к Надежде, дочери Федора Савельевича. Она живет по соседству с родителями одна с пятилетним Костиком. Домик, в котором они устроились, небольшой, тоже из бывшего жилого фонда поселка и тоже малоприспособленный для зимы. Дров по- требуется очень много, чтобы в доме стало относительно тепло.

Надежда уже успела украсить свой небольшой дворик: для цветов разбила палисадник, к нашему приезду уже всюю цвели ромашки, выюны. Из старых прохудившихся кастрюль, кувшинов спускались плети выюнов с цветами. В качестве садовой скульптуры – старые игрушки Костика. В доме порядок и чистота. Мебель, привезенная с родины, и частично распакованная – сверкающие мойки, кухонные столы, была расставлена не по – деревенски и своей дерзкой красотой еще больше подчеркивала ветхость и убогость стен избы. Посреди кухни – стол, накрытый вышитой скатертью. Иконostas, украшенный богато вышитыми занавесками. Нам была уже известна эта особая изобретенная староведами в пору их жительство в Южной Америке ковровая вышивка. Федор Савельевич, видя нашу заинтересованность, поясняет. “Это Надя у меня вышивает. Этими вышивками мы много лет жили в Уругвае одно время. Когда наши в Америку (на Аляску, Орегон) уехали, они там хорошо подзарабатывали. А им самим некогда вышивать, они нам заказывали... Особенно для икон. Такие занавески двести долларов. Даже мне приходилось принимать участие, потом два дня ниче в руки не мог взять... Так что, умею вышивать... Эти иголочки, которыми вышивать, я сам начал делать. В Китае они были каким-то манером. А одна мастерица пришла ко мне, у нее иголка сломалась. Я попытался и наладил, потом сам стал

Фотографии из магегиалов экспедиции
Fotogrāfijas no ekspedīcijas materiāliem
Photo from expedition materials

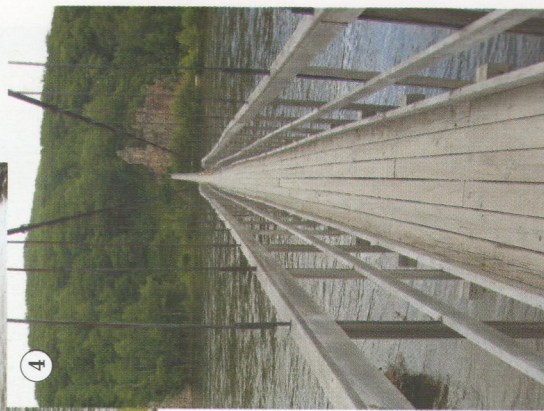
1

2

3

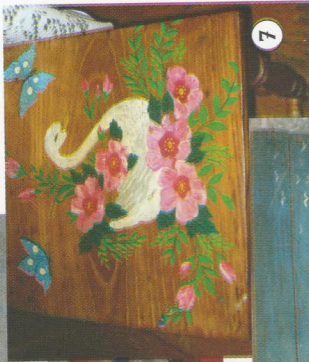
4

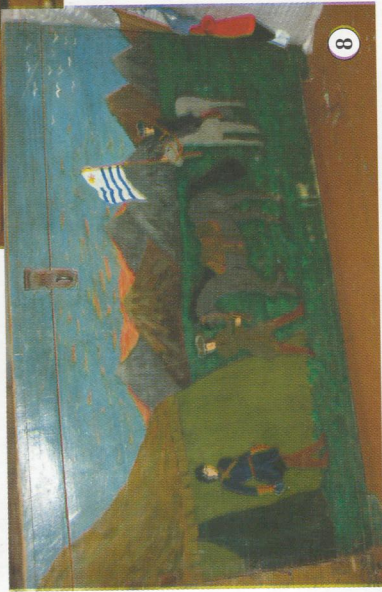
5

6

7

8

9

VI

11

10

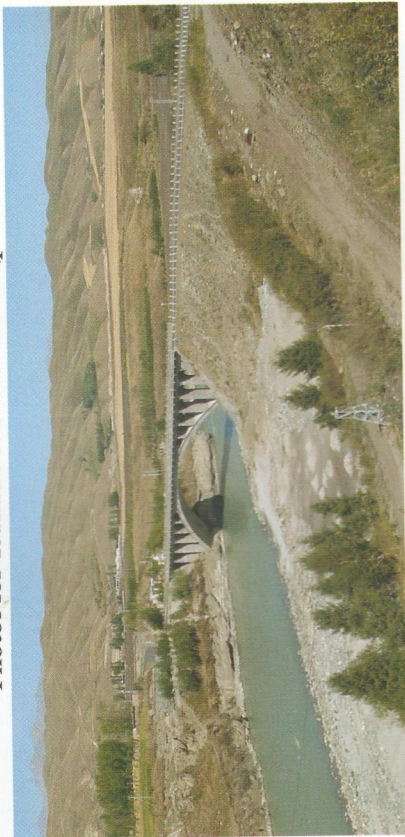
13

12

VII

Фотографии к статье Цукада Цутому (стр. 65–76)
 Fotogrāfijas pie Cukada Cutomu raksta (65.–76. lpp.)
 Photos for Tsukada Tsutomu article (p. 65–76)

Посёлок Уластай и река Хаш в 2007 году
 Ulastaja ciems un Hasas upe 2007. gada
 Village Ulastaya and river Hash in 2007

Школа в 2007 году
 Skola 2007. gada
 School, 2007

делать, потом сын мой научился. Это из тех иголок, которыми уколы делают. Так и пошло... Но первый я начал ... ишо из жестинок, она мягкая... не шибко стойкая... но ниче, вышивали... Но потом все это как-то перервалось: все набрались, и мода эта вышла. Люди больше по-городскому стали жить. И вышивали нитками из материи, которую распускали на нитки. А покупные не так красивые... Это "ковровая" вышивка. Но час нитками покупными шьем, неохота распускать... Это моя работа была распускать нитки".³

(См. фото № 6 на цветной вставке VI)

Надежда и дочка Анисы и Петра в свободное от огородной и домашней работы время занимаются вышивкой. У них сейчас есть несколько заказов: знакомые из Рошино заказали несколько свадебных полотенец.

(См. фото № 7 на цветной вставке VI)

Табуретки, стоявшие вокруг стола были тоже ручной работы. Резные ножки, сидения, украшенные яркой художественной росписью: лебеди, кувшинки. "Табуретки я сам выточил, а это дочка моя Анна расписывала. Она, ой, хорошо рисовала... А в комнату пойдем, покажу". На стене комнаты, половина которой была заставлена все еще не распакованными тюками, чемоданами, сундуками висело несколько живописных картин с девичьими сюжетами: склоненное дерево у пруда, портрет какой-то красавицы с огромными глазами, лебеди на озере. А вот один из сундуков был расписан куда интереснее: шатер, рядом с ним какой-то человек в военном мундире петровских времен, еще солдат, к ним едет всадник с каким-то незнакомым для меня флагом.

(См. фото № 8 на цветной вставке VI)

— А кто ж это такие?

— А это Аня разрисовала яшшик. Ну, как же. Это вот Петр I с солдатом, а к ним приехал всадник с донесением. Он уругваец, вишь, флаг Уругвая... Аня любила акварельными красками рисовать, а потом лаком покроет — долго хранится рисунок. (Анна погибла в авиакатастрофе в 1993 г.). Мы пришли в такое восхищение от рисунка и рассказа, что не стали никого разубеждать по поводу встречи Петра и уругвайского офицера.

— О, а это что за сундук? Старый, наверное, чье-то приданое?

³ ПД №28 С.16.

жизнь, по всем путям прошел. Вот дома теперь... Федор Савельевич, открыв сундук, показал на нижнюю часть сундука: "Он даже со шелками". Боже мой! Я знаю об этом факте! Я слышала от австралийских стареров воспоминания о том, с какими сложностями им приходилось уезжать из Китая. Китайские власти разрешали вывезти из страны самый минимум денег, золото и драгоценности к вывозу из страны не допускались. Поэтому зажиточным старерам приходилось покупать по несколько кожаных пальто, шуб, пальто, чтобы израсходовать деньги как можно с большей пользой. Но все понимали, что для того, чтобы подняться на новом месте, нужны настоящие деньги. Поэтому многие стареры делали в сундуках тайники для золотых монет или обычных денег. Но то были рассказы, а теперь перед нами самый настоящий такой сундук!

— Ну, удалось провезти-то?

— Все вам расскажи... Удалось немножко...

Ну, все! Без этого сундука мы уже не могли вернуться в музей. Два дня обсуждали Килины вопрос, могут ли они расстаться с семейной реликвией. В конце концов, нам удалось убедить их.

По дороге к дому старших Килиных Федор Савельевич завел нас в свою "мастерскую" — полуразвалившийся сарай, где мы увидели почти полностью реконструированную за каких-то два дня воскодавку. Можно сказать, что восстановил ее из праха. "Инструмент весь я с собой привез. С хорошим инструментом не расстанусь. А кое-какой уже здесь сделал".

Воскресный денек выдался солнечным. Весь огромный двор килинского дома был заплетен веревками, на котором просушивала вешки Агафья, жена Петра. Неопределенность дальнейших планов, отсутствие жилья заставляет стареров держать вещи нераспакованными, а очень влажное в этом году лето вовсе не способствует их сохранности. Многие вещи поражены плесенью, в доме запах сырости. Вот и вынуждены женщины ловить каждый потогий день, чтоб хоть понемногу просушивать багаж. Агафья подарила музею свою вышивку. Петр смеется. "Я в нее кучу денег вложил. Она (Агафья) у меня на родине на многих курсах училась — и шить, и вышивать, и ризовать. Вот жду, когда прибыль будет с тех денег...". Агафья — мастерица. Одежду для семьи, как и положено, шьет сама. Петр у нее — первый парень на деревне: красивые косоворотки меняет на дно по

несколку раз. Девочки принарядились в праздничный день: на шейках скромные бусики, нарядные туфельки. Целый день проговорили с Петром и Федором Савельевичем.

(См. фото № 9 на цветной вставке VI и фото № 10 на цветной вставке VII)

Уже вечером узнали: Василий забирает семью. Они уезжают из России.

Время радужных надежд прошло. Постепенно радостные заголовки российских и местных газет, репортажи телевизионных журналистов сменили другие: "Государству люди не нужны?"; "Обретут ли в Приморье погорянный рай стареры далекой страны Уругвай?"; "Ни земли, ни гражданства, ни дров". Как мы и увидели собственными глазами, самый насущный вопрос с отведением земельных участков переселенцам так и не был решен. Почему? Для размежевания земель нужно было заплатить три миллиона рублей! У переселенцев не было таких денег, ведь переждать и перевозить многодетные семьи им пришлось самим, несмотря на то, что переселившиеся из Южной Америки год назад стареры в Белгородскую область все же получили помощь от государства. Почему заброшенные поля вокруг Дерсу, да и не только вокруг Дерсу, пустуют? Скорее всего земли куплены кем-то "по случаю", "про запас", но вкладывать деньги в такое рискованное предприятие как фермерское хозяйство вряд ли владельцам хочется. Да, планов у Василия было много: комплексное хозяйство, выращивание экологически чистых продуктов... "Я все понял. Я увожу семью назад, поеду снова на заработки, чтобы вернуться сюда с деньгами и купить землю. По — другому не получается". Петр вынужден будет наняться на работу по найму. Ему еще предстоит сделать свой окончательный выбор.

Ни у кого из переселенцев, кроме Василия не было российского гражданства, что тоже добавляло немало сложностей. Мы видели, как маялся Петр, еженедельно преодолевая десятки километров пешком и на попутках из Дерсу в Новопокровку — столицу Красноармейского района, чтобы в очередной раз заполнить, исправить, дополнить многочисленные совсем не понятные для него документы на получение гражданства, прописку и так далее. Разве нельзя было помочь им в этой малости? Как-то во время очередного приезда Василия во Владивосток, я дала почитать ему интервью Л. Графовой, председателя исполкома "Форума переселенческих организаций", которая рассказывала, как провалилась очередная Программа добровольного

переселения соотечественников в Россию. По этой Программе только на Дальний Восток планировалось переселить 18 миллионов человек!!! Пиар – компания была развернута по всем правилам и денег на нее не пожалели “Сколько было агитационных поездов в страны СНГ, – пишет Л. Графова, – даже в Латинскую Америку к староверам. А сколько конференций и форумов? Приглашали и дальних соотечественников. Помпезно встречали...”⁴ А ведь по той Программе по данным разных источников в Приморье приехало то ли 3, то ли 64 семьи. Федеральная миграционная служба объясняет, что староверы приехали не по той программе, приехали самовольно. Понятно: закон есть закон, и целевое использование денег наказуемо. Непонятно, зачем тогда приезжали российские чиновники высокого ранга в старообрядческие поселки Южной Америки, уговаривая людей возвращаться на родину и обещая им материальную и юридическую поддержку. Вывод: пусть приедут, а там как-то, что-то... может, сами найдут выход. Словом, пусть сами и выбирают из этой ситуации. И они пытаются выбрать: Василий уехал на заработки в Австралию, Петру придется где-то искать работу, чтобы прокормить семью, осмотреться и принять какое-то решение. Лишь Федор Савельевич и Татьяна Ивановна всем довольны: исполнилась мечта их родителей, их самих: они вернулись на родину. “Мы отсюда никуда... Назад не вернемся”.

Итак, две старообрядческие группы, встретившиеся в 2009 г. в с. Дерсу, были связаны когда-то общей нитью судьбы.

... их общий путь...

С конца 50-х гг. XIX в. начинается колонизация Южно-Уссурийского края старообрядцами. Пустынные Дальний Восток, Приморье привлекали их богатыми плодородными землями и своей отдаленностью от официальных властей и церкви. Через несколько лет администрация Приморской области признала старообрядцев “самым желательным колонизационным элементом”. Проблему заселения и освоения этих диких мест, которую правительство области не могло разрешить более сорока лет, с легкостью решили старообрядцы, всего за двадцать лет создав острова крестьянской цивилизации.

⁴ “Государству люди не нужны!?!” // “Аргументы недели”. №23 от 11 июня 2009 г. С.3.

Почти одновременно, с разницей в несколько лет, переселяются сюда две группы старообрядцев.

Первопоселенцами южных и юго-западных долинных районов Южно-Уссурийского края были большие семейные кланы, переселившиеся из Волго-Вятского региона России (Самарской, Саратовской и Вятской губерний), а также старообрядцев – семейских из Забайкалья (их предки были насильно переселены туда из Стародубья и Ветки в 60-х гг. XVIII в)

В 80–90 – е гг. XIX в. начинает осваиваться таежный район края по притокам реки Усури. Большая часть Волго-Вятской группы старообрядцев покидает уже осввоенные ими земли и заселяет труднодоступные территории по р. Даубихе: с. Петропавловка, х. Халаза, с. Виноградовка. С конца 80-х гг. XIX в. начинается заселение огромной центральной территории по долинам рек Усури, Улахе, Сулзухе. Здесь длительное время была сосредоточена большая часть старообрядческого населения. Основу населения этих долин составили старообрядцы из Урало-Сибирского региона России – Пермской, Томской, Енисейской губерний: их трудами построены здесь самые крупные старообрядческие поселения: Варпаховка, Каменка, Кокша-ровка, Архиповка, а также множество небольших деревень и хуторов. Со временем за этой группой прочно закрепилось название “улахины”.

На начальном этапе происходит знакомство и узнавание новых территорий, природных условий, знакомство с соседними общинами единоверцев в поисках будущих брачных контактов. Принадлежность большей части сторонников старой веры к одному согласию (часовенному) и брачные контакты в немалой степени способствовали все большему смешению групп. Распределение вновь прибывающих в край старообрядческих семей традиционно происходит на основе родственно-земляческих, профессиональных связей.

К началу 20-х гг. XX в. старообрядцами практически была освоена вся территория Приморья. Внешне казалось, что на какое-то время в их миграционной круговерти наступило затишье. С коллективизацией, раскулачиванием в центральной России, Сибири приморские староверы познакомились в середине 20-х гг. уже не понаслышке. Уже в начале 20-х гг. XX в. в ДВР началось внедрение новых форм хозяйствования: создаются первые коллективные хозяйства-коммуны, артели. После упразднения ДВР (Дальневосточная республика)

советская власть ужесточила меры по ликвидации всяческих привилегий, ликвидации кулачества. В 1929 г. правительством страны был взят жесткий курс на сплошную коллективизацию в кратчайшие сроки – три года. Ответная реакция крестьянства не замедлила сказаться: в 1930 г. в стране произошло 2000 крестьянских восстаний. На Дальнем Востоке мероприятия по коллективизации начались только в 1930 г., но вызвали такую же реакцию крестьянства. Уже в феврале 1930 г. в ДВК зарегистрировано 12 антиколхозных выступлений.⁵

Приближение новой жизни ощущалось все явственнее. Это ставило крестьян-старобрядцев искать новые, более удаленные места для жизни. Взоры их были устремлены за Сихотэ-Алинский перевал – почти необитаемые к тому времени районы долины реки Бикин и Имана. О существовании некоторых сел и хуторов за перевалом советские власти узнали только во время подавления восстания в 1932 г. Население северного побережья уже в 1923 г. участвовало в уплате сельхозналога, самообложения, других сборах, а жители этих районов (долины рек Бикин, Иман) счастливо избегали этого почти до 1932 г.

Младшее поколение “улахинцев” из центральных таежных районов успешно осваивало северное побережье Приморья, а старшее поколение этой группы, первопроходцы Усурийского края, оставались еще к этому времени на своих местах в старожильческих селах Кокшаровке, Виноградовке, Варпаховке, Петропавловке. Но к середине 20-х гг. ситуация стала критической и поставила их перед выбором: сопротивляться властям или бежать. Борьба против властей – идея опасная и богопротивная: власть от Бога. Из двух зол чаще выбирали меньшее: побег. Вопрос, куда бежать, старшим поколением обсуждался постоянно. Одни предлагали более радикальное решение: “У нас в Виноградовке часто бывали из Варпаховки мужики, говорили: “Нужно бежать в Китай. Одно спасенье – уйти под крыло змея”.⁶ Так, в 1924 г. ушла за границу группа старообрядцев – “улахинцев”, скрывавшихся от преследований за службу в рядах царской армии, жандармерии, от воинских призывов. Позднее с их помощью удалось перебраться в Китай многим другим семьям. Доходившие от

5 Проскурина Л.И. Репрессии в дальневосточной деревне в конце 20-х – первой половине 30-х гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке (20-50-е гг.). Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток, 1997. С. 123

6 ГАПК Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196.Т.1. Л. 100.

них к родственникам в Приморье весточки манили свободной от религиозных притеснений и благополучной жизнью. Другие призывали поменять с побегом из России и уйти в глухие, необитаемые таежные места за перевалом. Впрочем, необитаемыми они были только для властей. Для старообрядцев же эти места уже не представляли загадки и давно были исхожены охотниками вдоль и поперек.⁷

...из архивных документов

Верещагин Федор Михайлович, житель с Петропавловки: “В 1927 г. пошли искать место в верховьях Имана. Ходил я, Леонтий Черепанов, Михаил Андреев. Осмотрев участок Лауло и Сибачи, обоим нам не понравились, поэтому решили переехать в Биробиджанский район, куда поехал я, мой брат Матвей, Ильин Макар, Иван Калугин и Реутов Агап. Там место тоже не понравилось, и вернулись назад и в 1929 я решил перебраться на участок Лауло, где занимался в основном, охотой... На охоту езжу на Араму, туда ездит охотиться большая часть наших староверов...”⁸ Охотники из Петропавловки перетянули в новый район родственные семьи из Виноградовки, Семеновки, Халазы, Таежки.

Главным в миграционных передвижениях старообрядцев оказались конфессиональная, клановая, территориальная общность. Этот же механизм действовал и при переселении старообрядцев-улахинцев в Иманскую долину: чужим места здесь не было.

...из полевого дневника...

Шевкунова М.Т.: “Ну, переселились, как всегда. Родственники переселятся, потом зовут ишо своих родственников”.⁹

Верещагин Г.М. “Ходоки ходили туда сначала. Вишь, в Анучинском районе охоты уже никакой не стало, колхозы уже пришли. И пошли ходоки по этой речке Иману искать места. И вот облюбовали

7 Кобко В.В. Старообрядцы Приморья: история, традиции (середина XIX в. – нач. 30-х гг. XX в.). Владивосток: 2004. С. 110-111.

8 ГАПК Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196.Т.1. Л. 130об-131.

9 ПД №28.С.21

эту долинку в Лаулю. Красиво место... Потом оба брага переехали (Федор и Матвей Михайловичи – авг.)...”; “Родители говорили, что они приехали туда ради охоты, потому что зверя там было!!! Нам еще досталось... Рыбы море было... Мостами шла...”¹⁰

Верещагин Г.М.: “Я из Петропавловки, меня маленьким при-
везли в Лаулю. Помню, на лодках везли... Вот это в тридцатом или
тридцать первом годах было, мне один год или два было. Помню
только, как приехали, на берег выходили, три брата там было. Не знаю,
сколько шли на этих лодках, где шли. Помню только, как выходили.
Дед, помню, говорил, что там уже много было народа, а эту деревню
они занимали первыми”¹¹

Верещагина Е. Я. (дев. Выголова) считает, что первыми в долину
Лаулю переселились родственные семьи Выголовых: “... Мама моя
поминала, что это двадцать седьмые – двадцать восьмые годы были...
Ну, я очень-то не помню. Говорили, что повыше чуть, там все были
корейские фанзы, так они опустились пониже. Там начали строиться.
Мой дедушка с моим отцом там первые дома строили... Там все наши
собрались и Карпо, и Яков, Гриша, мой отец и бабушка и дедушка.
Все в одном дому жили, несколько семей. Потом стали братьям
строить дом и отселять их. А потом уже стали приезжать другие.
Трофимовы, Калугины, Верещагины поприехали”¹²

Селетков И.В.: “Сначала их маленько перешло. Осмотрелись.
Первые приехали Мартыновы, Михеевы, наверно, и Выголовы при-
ехали. И Калугины, наверно, приехали. Потом Козловы, Трофимовы
подъехали... Ну, они сначала своих позвали, потом ишо кому сказали,
что там хорошо. Что колхозов нет.”¹³

... Из архивных документов о заселении с. Сидатун ...

Черемнов Николай Григорьевич: “...о Сидатуне мы пользовались
слухами от виноградовцев, которые иногда бывали в Кокшаровке, что
там в Сидатуне хорошо, условия охоты, золотые прииски ...”¹⁴

10 ПД №28.С.15-16

11 ПД №28.С.15

12 ПД №28.С.15

13 ПД № 28.С.29

неработанные участки земли...”¹⁴; “В 1929 г. началась коллекти-
визация в Яковлевском районе и старожеры по предварительному сто-
вору решили уехать в верховья Имана, где они как охотники знали о
пустовавших площадях. Ехать решили тайгой, для чего прорубали до-
рогу от Кокшаровки до Имана ...”; “В 1930 г. с выпадом первого снега
все односельчане поехали раскорчевывать дорогу прямым путем через
сопки из Кокшаровки на Сидатун. Через 15 дней, расчистив дорогу в
200 верст, собрались имуществом, семьями, поехали в Сидатун...”;
20 старообрядческих семей попытались спастись от разорения: семья
Калугина Никиты Елисеевич, Калугина Василия Елисеевича, Реутова
Тимофея, Мосолова Филата Яковлевича, Поздеева Игнагия Ивано-
вича, Демидова Харлампия Ивановича, Вавилова Архипа Аверьяно-
вича, Шеркунова Семена, Зубакина Потапа (из Каменки), Реутова
Ивана, Черняева, Серебрякова Симона Степановича”¹⁵

...из полевого дневника...

Калугин Ф.П. (п. Мельничинский): “Бабушка говорила про Кочка-
ровку, там сначала жили. Ну, они как, поживут, их прижмут, они
дальше уйдут. Оне сами шли. Они же старожеры. У их вера своя. Оне
своих мужевей посылали на год вперед смотреть (места-авт.). Они
ужезали туда на год целый. Приезжали за ними, уже дома были по-
настроены. Места хорошие искали. Вот этот поселок Сидатун был. А
тут перед поселком есть спуск. Там и был Нижний хутор. Там баба с
дедом жили в землянках. Пол глиняный, ну чтоб не земля была...
Мать рассказывала: землянки небольшие были, чтобы теплее, пол
глиняный, босиком бегали. Света не было-лучина. Ее вставляли в ко-
сяк, она горела минут 5-10. Под лучину подставляли посудину. А
потом им житья не давали здесь, они перебрались на Верхний хутор.
... На Верхнем там было семей 35. Тут они прожили, ну пусть год-два,
там мужики уже дома построили. ... На Верхнем хуторе, в основном,
березняк стоял. Мужики деревья пилили, на дрова шло. А корни 1-2
лошадьми вырывали, сушили и сжигали. На полях сеяли и пшеницу,
наверное, для себя, для коней. Все свое чтоб было, чтоб нигде лиш-
ний раз не показываться, никто б не знал, откуда. Ехали только за
боеприпасами и спичками, солью...”¹⁶

14 ГАПК Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196.Т.1. Л.187.

15 ГАПК Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196.Т.3.Л.202-203; Там же. Л. 187; Там же Л.192

16 ПД №28. Л.9.

Поздеева А. З.: “Мы-то на Верхнем Сидатуне поселились... И сейчас там бая дедушкина стоит. Она из лиственницы деланная. В каком году — не знаю... Вот понастроили мужики избы, поехали за своими. Приехали, а там леспромхоз все их дома занял. Ну, вот опять давай строиться, каки попало шалаши понастроили и жили”.¹⁷

Аресты в Сидатуне, по словам Поздеевой А.З., начались с Верхнего хутора. Он опустел буквально в один день. Оставшимся женщинам с семьями не оставалось ничего другого как покинуть хутор. Часть семей переселилась в Сидатун. В 50-х гг. хутор прекратил свое существование.

Итак, за два года в Иманской долине из бежавших от раскулачивания крестьянских старообрядческих семей сел Петропавловки, Варпаховки, Таяжки, Кокшаровки, Вноградовки сформировалось сообщество, проживавшее в нескольких поселениях и хуторах: Лауло, Сидатун, Сибичи, Утазы, Мичихеза. Семьи, как и всегда у староверов, быстро вставали на ноги.

Всего через год ненавистные колхозы настигли их уже на новом месте, поэтому впереди была снова дорога. Семья Черемнова Н.Г., Поздеева И.И., Реутова Т., Серебрякова С., Черняева ушли в Сибачи, а еще через год несколько семей Черемнова Н.Г. и Чубыкина Н. на маленький хутор в Утазы; семьи Чубыкина С.С. и Н.С., Калугина Михея и Мирона Федотовичей, Демидова А. Х., Калугина Леонтия Федотовича, Мосолова Ф. переселились в Лауло. Наличие рудников и золотодобывающих приисков давали староверам дополнительную возможность прокормить семью, не вступая в колхоз. Какое-то время это помогло оставаться старообрядческим семьям независимыми. В верховьях р. Имана в Сидатуне, на приисках Бейче, Пионере, Благодатном были рудники. Колхозы были созданы в Санчихезе и Лауло. Самодостаточность общины была залогом сохранения веры.

...из полевого дневника...

Калугин Ф.П.: “Они искали места такие, чтобы шипка была, чтоб зверь был, чтоб в речке че-то было. Так и жили... На хуторе у них были поля разработаны, они там все садили. И гречку, и другие зерновые... Раньше у них лодки были здоровые такие, из тополей.

Оне ездили в Каргун, сейчас Вострецово. Туда ездили за провиантами. Каргун уже был. Туда сдавали пушнину, покупали порох, все для охоты. Деньги-то откель у них? Ну, вот покупали провианты для ружей, спички, соль. Остальное все было у них свое. Все друг друга знали, че, кто, чем жил. Были зажиточные по семь-десять коров было. Поля большие. Коси — не хочу. И делали они так. Не один пошел, а все пошли. Накосили. Сложили. А потом на лошадях перевозили... Тут они прожили, ну пусть год-два, там мужики уже дома построили. Все свое было. Не то, что сейчас. Все из-за границы. Коснись че, своего ниче нет. Наводнение вот перемыло, ниче не привезут, а че кушать? Вот чем сильней их прижимают, тем они дальше уходят... У староверов нет такого понятия — один. Все помогали. Кучей все помогали”.¹⁸

Восстание 1932 на северном побережье Приморья открывало цепь трагических событий. Географическая удаленность жителей Иманской долины многих уберегла от активного участия, но не смогла спасти от расправы. В материалах дела о старообрядческом восстании 1932 на северном побережье есть образцы Поручений от руководителей восстания. С такими официальными обращениями из Ххундинской долины отправлялись доверенные лица в отдаленные общины на Самаргу, Единку, а также в Иманскую долину. Им поручалось известить православный народ о том, что на Бикине свергнута “безбожная власть и призвать их на защиту своей православной веры”. Несмотря на то, что в среде восставших усиленно муссировались слухи о создании на Имане сильного отряда, который базировался в Лауло, посланные с разведкой люди не подтвердили эту информацию. Более того, они сообщили, что в долине Имана нет никакого восстания. Наши расспросы потомков жителей Иманской долины о восстании 1932 г. чаще всего вызывали удивление. Большинство опрошенных об этом событии ничего не было известно, либо известно крайне мало. Но факт прямого неучастия в восстании никак не освобождал от ответственности: родственные, земляческие связи с непосредственными участниками делали их потенциально опасными советскому обществу. Поэтому они должны были изолированы от здоровой части советского народа. 1933-34 гг. были самыми урожайными на аресты.

¹⁷ ПД №28. Л.10.

...из полевого дневника...

Выголова А. С.: "А мы и не слышали об этом (о восстании-авг.). Я малая была ишо, наверное, никто мне не говорил. А так арестовывали в селе. Вот дедушку Симона моево... Он в тюрьме и умер. Во Владивостоке. А бабушку выселяли. Потом Афанасия Калугина забрали, а Калугина Терентия из тюрьмы на фронт, там и погиб..."¹⁹

Селеткова Е. И.: "Сначала они жили все в большом бараке, пока понастроили себе небольшие дома. А потом мужиков-то всех и арестовали... Вот говорили, пообживемся и будем большие дома делать... Это мой дед так рассказывал. Но их-то забрали, а женщины так и остались в этих домах... Поэтому больших домов и не успели сделать себе".²⁰

Леонова Н.Г.: "Сюда приехали, какой-то балаган сделали, тут лес, тайга была... Потом давай дома строить.. Отца арестовали, их три брата было, арестовали, младшего сразу расстреляли... Мама говорила, что кору драли и из коры сделали балаган. Жили в нем, потом строить стали... У половины деревни мужиков забрали... Раньше на лодках груза возили... Корейцы почему-то, забегают двое в воскресенье: "Григорий Петров, арестованный!". Ну, у отца припас был охотничий, ружье – все поотобрали... Их всех на лодку посадили, нагрузили припас этот полну лодку, так, говорят, по дороге где-то перевернулись... Такой на речке рев был... я помню маленько... Мне семь было... И у моего мужика (Варфоломея Леонова) мать арестовали, а отца каки-то фуныфузы были, убили... Денис рассказывал, что тятя сяд на кочечку, прощается и бах – его убили... мать потом тоже... у их 2 сына, дочка тоже ее арестовали... дети сироты... а тут жили тетка с дядей, они и забрали их... Сестру замуж выдали, Вахрама моего в армию забрали, потом война началась, ранили его, нога была перебитая".²¹

Попенкова Е.А.: "Наверно, это 1937 год был. Я приехала, жители уже работали в колхозе. А еще арестовывали при мне. Калугина Кондратия мать арестовали. Как гнала ее милиция "Не подходи, не подходи, стрелять будем!". Бабки бегали с узелками, поесть ей передать. "Не подходи!". Ее Евдокия звали что ли? Арестовали, что вроде она школу зажгла. Старенькая, семьдесят лет, больше и не видели ее".²²

19 ПД №28.Л.10

20 ПД №28.Л.29

21 ПД №28. С.37

22 ПД №28.С. 36

С оставшимися без мужчин многотными старообрядческими семьям справиться советским властям уже не представляло никаких сложностей.

...Из полевого дневника ...

Выголова А.С.: "По-разному к колхозам относились... Моя свекровка, она долго не соглашалась, потом все равно зашла. Потому что коня забрали, корову забрали, жить на че-то надо... Бедность, а нее двое, третий были, дети... Я часто вспоминаю, как из мешков штаны шили... А так, все пошли... Может, и не хотели, но пошли..."²³

Поздеева А.З.: "... Но переехали в Сидагун, там прожили до 1938 г. И там стали маму налогами облаживать... Мама до ареста отца не работала, отец охотился, тигров ловил... хороший тигролов. Привезут пушнину-весь двор завалит... А потом они на приисках работали, там золотого мыли. Но тятя не мыл, он груза подвозил, а всю зиму на охоте... Как уходят осенью, так в конце февраля приходят... Хозяйство у нас не большое коровка, конь... Ничем не нуждались"; "Отца забрали, и мы переехали в Санчихезу... А че, в колхоз надо... После отца еще сколь-то мы жили одинолично, мама с того, что отец заработал на тиграх, платила налоги, но потом все кончилось, надо было жить... Там колхоз назывался "Красный удзгеец", не черный, а красный почему-то (смеется). Мама в колхозе выполняла любую работу: она и скотница, она и доярка, она и в поле-все на нее свалили..."²⁴

В начале 30-х гг. XX в. пути "улахинцев" разошлись. По – разному сложились их судьбы. Разные воспоминания тревожат их душу. Горькие или радостные – они одинаково дороги, ведь это их жизнь...

...из воспоминаний старожилов с. Дерсу (Лаулу)...

В 1930 г. началось объединение крестьянских хозяйств с. Лаулу. Сначала в сельскохозяйственную артель, позднее в колхоз "Красный Октябрь". Первыми в него вошли корейские семьи, позднее к 1932 г. старообрядческие. В 1933 г. в колхозе состояло 51 семья русских, 48 корейских²⁵

23 ПД №28.С.8

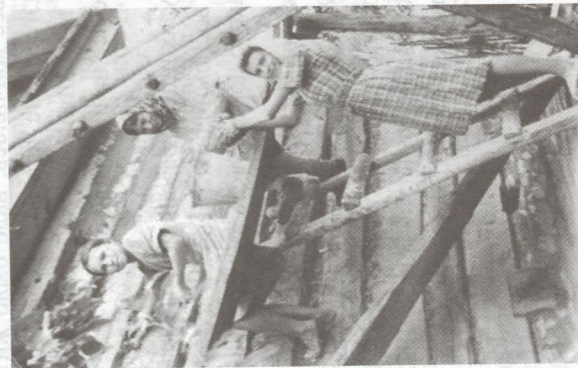
24 ПД №28.С.63

25 из личного архива Ольховой Л.Б., п. Новопокровка.

Фотографии из магериалов экспедиции

Fotogrāfijas no ekspedīcijas materiāliem

Photo from expedition materials

... из полевого дневника...

Попенкова Е.А.: “Все в колхоз зашли... Пшеницу, сою, хлеб – все выращивали. Сначала комбайнов не было. Потом после войны комбайн привезли, в войну”.²⁶

Мартынова У.Е.: “Долина кажется что маленькая, но колхоз сеял много, трава вся выкошена... Кузница одна была... Электростанция своя, больница своя... фельдшер, аэродром рядом был... Все было, а час падай, ложись и умирай...”²⁷

Верещагина Е.Я.: “...и зерно выращивали, скот был, пчелы были. Богатый был колхоз. Машинами зерно вывозили. Была и почта, и сельсовет”.²⁸

Леонова Н.Г.: “Две конюшни огромные были, коровник, свинарник такой! Свиной очень много было. Масло сами били электричеством... Мы с Машей, помню, били масло. Она мне: “Ты ешь, ешь масло-то”. (смеется). Люди все закрепленные были за скотом, они сами знали, кто, где, что делать... А заведующий конюшней был Выголов Кирилл Григорьевич... Он был главный конюх, помощники там у него были...”²⁹

Мартынова У.Е.: “И кузница своя была, кузнецы были... Мельница была там на ручье. Нам-то муку не давали с государства, а надо было свою молоть... Мельница водяная была. Спиридонов приезжий был, делал свет на ей. Там мололи муку и свет давали. Как воды много, так днем и ночью свет горит... За свет мы не платили... Можно жить было”; “Много не работало на конюшне, двое всего. Они кормили лошадей. Сено задавали, назем утаскивали, чистили...”³⁰

Леонова Н.Г.: “Колхоз-миллионер... По поставкам все сдавали – зерно, молоко, масло... Ферма была... И коровы, и овцы, и курицы. В лесу курятник был, яйца сдавали тоже... Но нам хорошего от этого мало было...”; “Корову держишь – отдай десять килограмм масла! С каждой курицы – яйца, да не помалу, с барашков – брынзу. А мы не знали, че это, сдавали маслом. Мы молоко и не ели, обрат ели, а че десять килограмм накопи – ка масла...”³¹

26 ПД №28. С.

27 ПД №28.С.39

28 ПД №28.С.17

29 ПД №28.С.38

30 ПД №28.С.38

31 ПД №28.С.38

Селетков И. В.: “В колхозе порядок такой был. Утром подымают флаг, на работу идти... На обед и с обеда тоже флаг подымают.”³²

Мартынова У.Е.: “Кондраг Шевкунов был (председателем), строгий... Не, Моти Черепановой отец был после войны уже председателем сельсовета... Трифон Леонтьевич... руководили, гоняли нас. Помню, пололи, мы тяпками пололи... А ряды длинные, длинные, уже скоро домой надо... А женщины постарше нас говорят: “Ну, дома же работы много... давайте домой пораньше пойдём. И до флага ушли домой... Назавтра вызвали всех в контору да как дали нам... Чтоб не уходили. Часов не было, все на флаг глядели...”³³

Селеткова Е.И.: “В колхозе на трудовни, это палочки просто, ниче на них не давали... Хлеба никогда не хватало. Мололи, говорит, кукурузку на хлеб, сою тоже. Кукурузу разводили, наливали просто в противни – и в печь. А потом просто режешь в противнях. Картошку... Вот огородом жили... Носить нече было, одежи не было. Рыбу, дак ее тоже охраняли. Ночами только умудрялись крадучи ловить”³⁴

Попенкова Е.А.: “Там с ночи до ночи в колхозе, а ночью хоть себе, умудрялись еще за шипками ходить даже...”; “Я чуть на поле не родила... Родила 7-ми месячного, а меня чуть под суд не отдали, что я на работу не вышла... Я справку принесла, судья сказал: “Можете быть свободны, идите”. Я 7-ми месячного в ясли таскала... Но и все, испортилась я, больше не могла родить”³⁵

Поздеева А.З.: “В Санчихезе прожили до шестьдесят второго года. Мама умерла, а я замужем была. Я в колхозе тоже работала, в лес-промхозе, лес пилили... Там было как концлагерь... По Иману в Вос-трецово было два барака, ну точный концлагерь, даже ишо хуже... Так работали, и даже бани не было! Бани не было при такой работе!!! Один барак был мужской, другой женский. Завезут нас туда на всю зиму, и живи, как хочешь... и бани не было... Орочены нам улы шили... У меня сносились улы, я босиком, в одних носочках... А че носочки шерстяные? И не пускают домой! Это точно хуже Гитлера были!!! И мы ночью бежали домой, пятьдесят километров до нас. И я эти пятьдесят километров босиком бежала, и ноги обморозила... И ниче... счас

32 ПД №28.С.32

33 ПД №28.С.38

34 ПД №28.С.31

35 ПД №28.С.32

еще хожу... Немного поджили, и опять послали. Пилили ручными пилами! Норму надо было выполнять. С нами кадровые были, женщины кадровички... И ведь ни одну не убило ни сучком, ничем... вот это что было? Тёмно семь часов утра, уже идешь в лес... В обед нас там кормили, как попало варили. Счас свиный луче едят...”; “А летом дома работали, и пахали, и сеяли... восемьдесят соток я выпахивала лошадыю в день!!! Вот было двенадцать пар лошадей и двенадцать девочек!!! И все пахали. У нас мальчик один был, у него мать посадили, политическая была... Калугина Аксиныя... Он маленький худенький был, а тоже пара лошадей... Матери у них не было, в доме ниче не было, в солому зарюются и спят... Он голодный, у него сил нет. А голь на выдумку богата! Взят, а плуга же ставили выше, ниже пахать глублину. А он поставит на саму меленку...Сядет на досочку и едет... у него силы ийти нету...”; “Сено на нас, сено косим. А дома хозяйство... А еще премии давали. Я по сорок пять центнеров сои брали. Счас кто столь возьмет? Вот на сое работать... Мне кажется, каторжане так не работали... Ой, сложная тяжелая культура, а молотить – то ее только молотилкой, а не комбайном... Попробуй оставь там где-то стручки! Вот закон был!? А было зерно!!! А какое зерно!!! Только поглядеть... А счас грава. Сколь скога было, деревня-то небольшая, а скога много... И куры, и утки... И ведь чем кормили? Сто гектар пахотной было только, это очень мало. Все кочки выкосим... Скота кормили... Хорошо жили. Удэгейцы тоже работали, хорошо работали”³⁶

Мартынова У.Е.: “Мы приехали сюда в сорок шестом году после войны, а в войну были в Санчихезе. Вот там-то нам и досталось, как медным котелкам”; “Мы в Санчихезе жили, мне было лет четырнадцать-пятнадцать.. В колхозе главный – председатель, потом счетовод. Потом бригадир. А бригадир давал наряд людям. В контору придешь, получаем наряд, потом работать... А бригадир принимает вечером работу. Здесь было две бригады... Много народу-то здесь было. Вот этот Миша Кожяев, я не у него была в бригаде. Я была у Карпа Леонтьевича Черепанова. Ну, вот всех людей они разделили, чтоб можно наряд давать, работу принимать... Один бы не справился, много было людей, все работали... На полях работали, ну, правда, зимой мы не работали. Куда детей понесешь? Холодно, детясли не открывали. А вот с мая начинается, и тогда маленьких, не маленьких – всех

36 ПД №28.С.64

Фотографии из материалов экспедиции

Fotogrāfijas no ekspedīcijas materiāliem

Photo from expedition materials

носили в ясельки. Куда денешься... В бригаде звенья были, женщины руководили звеном. В звене человек по десять было. Вот она командует нами... Проверяет, кто как полет, кто как работает..."; "Ой, работали эти бедные женщины, всю мужскую работу выполняли... Вот я как-то считала, что девять мужиков погибли из нашей деревни и девять пришли раненые"; "Вот когда Брежнев вступил в правительство, тогда мы немного ожили... Тогда не такие нормы поставок стали, меньше налоги..."; "А потом Брежнев дал свободу, так отдышались, так хорошо стало... Все шло хорошо, хорошо, а потом перестройку сделали, и пропали мы! Зачем ее сделали? Раньше пацанишки еще так маленьки спешат на конный двор рано-рано: сено убирать надо... коней хороших успеть захватить... А сейчас вот так ходят... И работы нет, и ниче нет...".³⁷

Мартынова У.Е.: "В основном работали, не было времени молиться-то, но все ж ходили к бабе Марине. В ее доме молились. Там уж все поразграбили".³⁸

Леонова Н.Г.: "Настоятелей у нас не было, были две старушки Какугина Марина и Калугина Степанида... Мужиков как поарестовали, так они и стали... Крадучись все делали. Мой дедушка умер Акагий Степанович в 12 часов ночи хоронили... Пошевелиться нельзя было".³⁹

Мартынова У.Е.: "Счас посмотришь, крестики все носят, а мы прятали.. Увидят, так так рванут, гляди и шею оторвут...".⁴⁰

Леонова Н.Г.: "Учитель у нас был Горбуля, увидел у Миши Выголова крестик висел. Он увидел, схватил за гайтан, оторвать не мог, даже шею перерезал...".⁴¹

Мартынова У.Е.: "Мы все пережили... сказать невозможно, что еще можно пережить... все выпало нам... Счас пенсию стали получать".⁴²

Леонова Н.Г.: "Я не получаю пенсию, отказалась... У меня мама не получила, и мне не велела, своим трудом надо жить..."; "Никогда не получила, а счас поздно получать... Не надо... Я покуль работала, ягуду, картошку продавала... молоко... А счас хоть дочки помогают. У нас

37 ПД №28.С.37.39.

38 ПД №28.С.39

39 ПД №28.С.39

40 ПД №28.С.39

41 ПД №28.С.39

42 ПД №28.С.39

тетка Марина, Степанида были – они никто не получал денег. Моя мама в моленную ходила, у ей такой голосок был... Она по – славянски читала, а писать не умела... Божественные книги читала, а заставят расписаться, палец воткнет да и все... Самоучка... Раньше учили, каки-то старушки учили... Она все на отца обижалась... А отец сказал: “Нечего, скота много, управлять надо...” Вот она обижалась, что молиться даже не научили ее, но потом как-то сама научилась...”⁴³

Мартынова У.Е.: “Вот в моленной-то они все и руководили – баба Марина, Степа и мама ее. Потом после войны уже мужики подошли, дядя Яков, Семен Калугин, дядя Кондрат... Дядя Яша читал, Кондрат... А в тридцать третьем и молиться-то нельзя было, никто не читал... Я тебе говорю, дедушку в двенадцать ночи хоронили, ну по старому скому обычаю... Его в гробу деревянном хоронили, из досок, вроде в саване... Несли на носилках. Носилки вдоль гроба, потом веревками крепят... Носилки там и оставляют на могиле. Лесу-то много... Полотенца давали всем, их прихватками называли. Вот за них берутся и несут... Прихватки обратно несут”⁴⁴

Шевкунова М.Т.: “У нас в Лауло тоже так, чтоб иконы убрать, все убрать... А у нас папка председателем коммунистом был, а мама на операции была в Дальнереченске... месяц лежала. А люди наговорили, что мол, коммунист, а иконы, молится жена... Приехала комиссия с Владивостока или района, не знаю. А я училась в шестом классе, уже хлеб сама пекла. Приехали, собрали собрание: как так, ты коммунист, а жена верующая? Чтоб убрать иконы!. Пришел папка до мной, а утром говорит: “Дочь, я иконы уберу счас. Мне вчера встрелку такую дали... сказали: убрать”. Я: “Папа, не убирай, мама ругаться будет. Плакать будет”. Самой мне не по себе: как же Боженьку убрать! Мы же верующие!. Но он все же подошел к иконам с полотенцем, руки трясутся... Взял все в полотенце завернул и в ящик положил сверху. Я бегом к бабе, плачу... “Папка, иконы убрал!”. Баба говорит: “Не ври!”. “Правда убрал”. “Господи Иисусе Христе! Да его же Господь накажет”. “Ему приказали убрать”. Она телогрейку набросила себя, и к нам, бегом. Я еле успеваю за ней. Баба заходит, да как заплакала: “Сынок, вот я пришла, мне же надо помолиться на икону, а куда же мне молиться... Я к тебе больше не приду!” Отец плачет сам: “Мама,

мне вчера встрелку такую дали... Вот, мол, Шевкунов, председатель колхоза, убрал иконы, а ты почему оставил?”. Ну, что... Баба заплакала, отец ушел в сельсовет... А мы, че бы понимали: икон нет, вот не хватает как чего-то... как отняли у нас че-то родное... Михаил меня утешает: “Не плачь, мама приедет, не будет она это терпеть, сама поставит”. Мама через неделю приехала... А отец маму привез, и куда-то ушел, не заходил в избу, боялся... Мама зашла, раз – молиться: “О! А где иконы?” Я плачу, рассказываю маме... Она: “Я ему уберу. И что он своими руками за иконы трогался?” “Нет, он помыл руки, взял чистое полотенце, перекрестился и в ящик положил”. Мама раздается, перекрестилась и поставила иконы на место. Папка на обед пришел, заходит, сразу – глядь в угол. “Что, поставила уже? Меня вон как ругали”. Мама: “Не ты их ставил, не ты и убирать будешь! И своими руками к ним никогда не прикасайся! А если тебе ишо что скажут, зови меня, я им скажу на твоём партсобрании. Я в своем доме, что хочу, то и делаю! Я не к вам пришла иконы ставить, а в своем доме поставила”. Больше отец не подходил, никто иконы не когда не убирал в доме. Папка курил ишо с фронта, мама ему не давала к иконам подходить. Он молодым-то был в братии, а потом-то уж не был. Табак-то считается поганым... Он потом в веру так и не пришел, в братии не был”; “Божественных-то книг, считай и не было ни у кого. Поэтому мы не читали, а Начал молились... Начал мама учила читать... Бабушка... Мы ходили на поминки, Фекла Верещанина, помню, умерла. Мама говорит, молитесь: “Помяни, Господи душу усопшей рабы Твоей Феклы”. Иван, брат смеется “Вот помолились за свеклу, теперь за брюкву”. Мы все засмеялись. А бабушка: “Ванюшка, ты пошто так-то говоришь? Тебя Господь накажет!”. А кому раньше молиться было: колхозы, дома хозяйство, дети... Моленной уже так не было, а ходили к кому-то на дому молились... Там у одной бабушки-тетки Марины Калугиной молились. Не сказать чтоб крадучись, но с опаской, все ж доносили, писали...”; “Наставниками кто был? Калугина тетка Степанида, муж ее Терентий, брат бабы Марфы, это после войны. Голодяева Наталья, она в Лауло счас живет. Вот ее мама все время веру вела. Голодяева Соломонида, они жили в Дальнем Куте. Это сестра моя, говорит. А у этой Соломонида сыны были. И вот этот сын Гриша, он женился на тетке Дарье. Бабушка моя и тетка Дарья – оне родня. Мужа тетки Дарьи забрала, потом отпустили. И он че-то там женился, домой не приехал. Вот она

43 ПД №28.С.39
44 ПД №28.С.39-40

Фотографии из материалов экспедиции
 Fotogrāfijas no ekspedīcijas materiāliem
 Photo from expedition materials

осталась с 3 детьми, вот тетка Наталья, она сейчас в Дерсу живет (Леона Наталья Григорьевна – авг.), Марья и Михаил. И мать ищю у ней жила... И всю жизнь в бедноте. Огород у нее крайний был, около конного двора. И вот кони все лазили все, забор сломанот, все попочут... Она голосит... на все село... Господи, так ее жалко было. Мы проснемся, слышим, как она кричит...”⁴⁵

Верецагина Е.Я.: “Потом все перевели в Дальний Кут. Мы поже-нились в 55, потом через 5 лет все стало хуже и хуже. А самолеты летали днем и ночью. За клубничкой. Это было что-то особенное. Всем заказывали клубнику из Лаулю. Потом колхоз разогнали и Промхоз забрал все под свое. Все охотники стали... А потом и это прошло.”⁴⁶

02.08. 09 г.

За несколько дней мы успели побывать в разных концах поселка, но пока до сих пор не имеем полного представления о нем. Сегодняшний день посвятили селу. Хотелся огнеть все сохранившиеся дома, постройки. Как правило, знакомясь с архивами наших информантов, мы всегда интересуемся, не сохранились ли у кого фотографии са-мого села. Самое лучшее, если найдется фотографии с общим видом населенных пунктов. К сожалению, это большая редкость: за двадцать с небольшим лет нам повезло раза три. Такие фотографии могут продемонстрировать плюсы и минусы выбора основателями места поселения, тип планировки поселения. Хозяин дома, в котором мы остановились, Александр Георгиевич Болотин, подсказал нам, что видел такую фотографию у жителя села Миши Яковлева. “Ну, если не найдем, я обязательно постараюсь помочь музею, снимем с верто-лета”. От помощи мы не отказались, и к Мише тоже решили сходить. В его роду соединились ветви выходцев с Украины старообрядцев-федосеевцев и часовенных старообрядцев, выходцев с Поволжья. Родители уже умерли, Михаил жил один в родительском доме. Судьба Михаила очень типична для деревенской молодежи начала 50-х гг. XX в. Получив девятилетнее образование в сельской школе, покинул родные края, устроился работать столяром на Дальзаводе во Вла-дивостоке, потом на фарфоровом заводе. Неудачный брак. Вернулся

45 ПД №28.С.22,23,39

46 ПД №28.С.17

домой, жил с родителями. Теперь совсем один. Перебивается случайными заработками, огородом. Родительский дом, построенный в 1950 г., дышит на ладан: провис потолок, с него все время сыплется глина, песок, окна покосились. К нашей радости нужная фотография все-таки нашлась!!!

Это был вид поселка с одной из сопок. 1966 год. Даже по любительской фотографии было видно, насколько грамотно выбрано место для поселения: уютная долина, защищена от ветров горами, скалой, два водных источника – ключ Корейский, как воспоминание о живших в этих местах корейцах, и река. Поля расположены недалеко от села. Тайга вот она – рядом. Место было выбрано, как мы знаем, самими охотниками-староверами. Речной тип расселения преобладал у старообрядческого населения. Уличная планировка была также самой распространенной: две прямые параллельные улицы, соединенные несколькими переулками, застроены двумя порядками домов, смотрящих окнами в улицу. Улицы в Лаулу очень длинные, километра два. Нам сразу напомнило это Петропавловку, Таежку, откуда и переселилось большинство семей. Ширина улиц – необъятная. Русские просторы... Судя по рассказам старожилов, близкородственные семьи строили дома рядом. На восточной окраине – дома Выголовых, ближе к центру – дома Черепановых, на западной окраине дома Калугиных, Верецагиных. Верецагина Е.Я.: “Две улицы были в селе. Одна улица длинная, другая короче. Раньше никак улицы не назывались. (Мы увидели сохранившиеся таблички на домах. Длинная, по-видимому, главная улица села называлась улицей Мира, вторая – Луговая улица. – авг.). В 30-е гг. эти улицы были забиты домами, народу было очень много. В деревне человек 300 было. Колхоз богатый был, “Красный Октябрь” назывался”⁴⁷.

Дом Верецагиных М.Г. и Е.Я.: “Дом сами строили. 5-6 ведер медухи. Поработали люди – угощались. Да все друг другу помогали строить. Мы сначала купили маленькую хатеночку, баушка уезжала. На следующий год стали свою строить”⁴⁸.

(См. фото № 11, 12 на цветной вставке VII)

“Каждый сам себе дом строил, какой хотел. У нас дом 8 м длиной, 7,5 шириной... Мой-то напил по 10 метров, потом постоял, подумал:

47 ПД №28.С.16

48 ПД №28.С.16

зачем нам такой дом большой? Отпили ли 2 метра. Вот я сейчас одна в им и сижу.”⁴⁹

“Мы тогда сруб выгоняли. Сколь нас человек, забыла 2000 руб заплатили, потом потолок мы сами с им строгали... А сейчас уж и он валится...”⁵⁰

...долгая дорога домой...

Группа старообрядцев известная сегодня всему миру под именем “харбинцы” имеет приморские корни. Уникальность исторического пути, пройденного старообрядческими семьями из Приморья, невозможно переоценить. Именно этой группе принадлежит пальма первенства в колонизации Южно-Уссурийского края. Исход самой крепко верующей и зажиточной части староверов с приморской земли в нач.30-х гг. XX в. был вызван насильственной коллективизацией и репрессиями.

Решение об уходе каждой семье давалось нелегко. Им предшествовали раскулачивание, высылки, содержание в кулацких бригадах, расстрелы, голод... Семья Селетковых пришла в край одной из переездов. Чуждом оставшись в живых после перенесенного сыпного тифа, Иван Трофимович Селетков вернулся домой из больницы, застав давно голодающую семью. “Отес вернулся слабым, а мы голодаем. Рыбой только жили, Мы с Левонтием ловили. Отес смотрел на это, смотрел, и так тихоночко говорит: “Поехали за границу, иначе все здесь подохнем...”⁵¹ Павлов А.А., бывший житель с. Виноградовки: “Нас раскулачили в первый раз еще в Виноградовке. Тетка Агапья вспоминала: “Я помню, как ваших коров в колхоз привели. Четыре дня стояли, никто их не поил, не кормил...” Переехали, встали на ноги снова быстро... Второй раз раскулачили, когда мы жили в с. Сибичи в 1933 г. Отца выслали в Мухен на Оборскую ветку, а маму с шестью детьми в Дормидонтовку. Нас выгнали из дома в одних рубашках. Мама хотела взять на дорогу печеное, не разрешили даже хлеба взять. Нам с мамой дали волчий билет... А значит, в одном селе только три дня разрешали жить. Ой, бедные детки... Кто жалел, кто ругался и гнал: “У-у, волчица с волчатами...” Мама сошла с ума...”⁵²

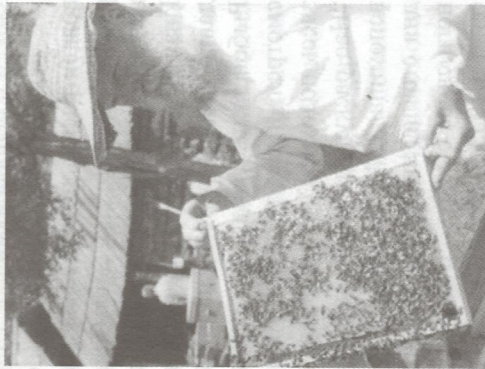
49 ПД №28.С.38

50 (ПД №28.С.39)

51 ПД №21. Л.9

52 ПД №21. Л.26,27

Фотографии из материалов экспедиции
Fotogrāfijas no ekspedīcijas materiāliem
Photo from expedition materials

Сотни семей вынуждены были тайно бежать из Приморья в Китай, где на территории Маньчжурии с 1936-1945 гг. существовало японское марионеточное государство Манчжоу-Го. Там ими были основаны несколько поселений: Селинхэ, Коломбо, Романовка, Медяны, Ивановка, Семеновка, Чапигуо, Баринхэ, Татинцван.

В Китае беженцев поджидали новые трудности. Японские власти отдавали староверам, как правило территории, кишевшие хунхузами, в надежде, что русским охотникам удастся справиться с этим бедствием. Охотники справились.

Судьба, подарив староверам-беженцам краткий миг свободы в Китае – чуть больше десятка лет, продолжала испытывать их на крепость. События Второй мировой войны летом 1945 г. грозили разрушить их только отстроенный мир: теперь вся военная мощь страны-победительницы была обращена на Японию, все еще стоящую за продолжение войны. Старобрядческие села снова оказались в гуще военных событий. Разговоры о возможности военных действий на территории Китая и приходе Красной Армии начались среди староверов задолго до августа 1945 г. По собственному опыту предчувствуя неладное, старики настаивали на том, чтобы бросить населенные места и укрыться в более безопасном месте. Поверить в то, что ужасы советской власти вновь наступят их здесь, в чужой стране, для большинства семей было невозможно. Но пришлось, и совсем скоро...

Так, размещавшиеся в старобрядческих поселках Красной Армии реэвидировали у населения почти весь скот. "И пошло... Каждый день веди им корову на кухню, потом тёлку съели. Копали картошку, свёклу – каждый день ведро. Всё им. Уезжали – всё забирали, подчистую. По одной корове оставили. Повели стадо коров на станцию – коровы ревут, бабы ревут. Короче, освободила нас Красная Армия от хлеба и соли".⁵³

Аксинья Федоровна Малахова: "Тятю. забрали, мне 17 лет было. Всех собрали мужиков. Все у нас из сусеков-то выгрузили. Советские... Когда начали уезжать, все подчистили. Даже сено увезли... Хорошо еще что японцев-то угнали, а у японцев-то всего было насажено – бобы, кукуруза кормовая, такая большая... Так я собирала бобы, кукурузу, свеклу. Так маленько коров и прокормили, и сами

53 ПД №21.С.27

ели... А арестованных мужиков увели в Хантахезу. А наши как-то знали, что завтра их в Муданьцзян увезут, а там дальше. И мама меня послала на кобыле. Ну приехала на станцию траки (грузовые машины) тама стоят. И наши отцы тама сидят. Их так и повезли на открытой машине. Ну, я привезла ему, мама ему котомку целую сала, одежи... А они сидят там, молотятся... Ну, вот так и увезли их... И все..."⁵⁴

А вскоре начались и аресты. За каждый год вольной жизни в Маньчжурии многие из них заплатили таким же сроком в лагерях ГУЛАГа. Из недосыгаемых, казалось бы, китайских глубин, многих смогли обманом и силой вернуть в СССР. Арестованных довольно долго больше года до решения суда содержали под арестом на Урале. Затем всех распределили по разным лагерям. Из ингерью с Селетковым В. Ф.: "Мне полтора года было, когда отца забрали советские. И он в Магадане отбывал, там работал. Так я понимаю, лет десять отсидел. Мы когда к нему в Россию приехали, он вспоминал про эти годы: "Начнешь мыться, так мыло потеряешь: оно в кости уходит. Одни кости были. Мы счастливы были, что мы были охотники". Потом после десяти лет и он женился, освободился, и оне начали на нерпов охотиться там".⁵⁵

После арестов во многих старообрядческих селах остались женщины, дети да старики. Перед враз осиротевшими семьями снова встал вопрос: что делать дальше? "В 1945 г. осенью собрание собрали и спрашивают: "Поедете домой?" А бабы кричат: "Не поедем, опять нас будете там голодом морить, подохнем лучше здесь". Умирать, попятно, никому не хотелось, стали подумывать об эмиграции из Китая".⁵⁶

Но оказалось, что вырваться из страны было совсем не просто. Потом, десять лет спустя, с помощью Красного Креста стали оформлять визы для переселения в Австралию и в Южную Америку. Для многих, чьи родственники отбывали срок в СССР, вопрос все же решался более или менее однозначно: вернуться в СССР и ждать возвращения мужей и отцов, где бы они ни были.

После капитуляции Японии в Китае вновь началась Гражданская война. Вооруженные силы Коммунистической партии Китая при

54 ПД №27. С.16

55 ПД №27.С.30

56 ПД №21.С.27

поддержке СССР заняли весь материковый Китай и вынудили Чан Кайши бежать на Тайвань. 1 октября 1949 г. провозглашена Китайская Народная республика. В 1949-1952 гг. была проведена национализация промышленности и капитала, в 1953 г. начала первая пятилетка по советскому образцу. Началось повальное обобществление средств производства, крестьянских хозяйств и даже жилья. Снова оказываются в жерновах коллективизации было невыносимо. С конца 50-х гг. XX в. начинается массовый исход старообрядцев из Китая.

Часть староверов насильственно возвращенных на родину со временем обновились на постоянное место жительства в Хабаровском крае пп. Березовый, Тавлинка. Другая часть предпочла эмигрировать, положив тем самым начало расселению приморских староверов по всему миру: Южная Америка, США, Канада, Австралия. Большая часть "харбинцев" живет сегодня в США шт. Орегон, шт. Аляска

... из воспоминаний новоселов с. Дереву (Лаулю)...

Кишин Ф.С.: "Я слышал рассказывали, что Владивосток заселяли Реутовы и Калугины, а город стал строиться-ушли подальше..."

"Вот отец мой уходил вместе с Поносовым. ...Наверное, это в 1934 г. было. У отца жена была, дите было. И жена умерла, и дите тоже. И он через границу уходил один уже без семьи, с Поносовым. Сначала они пришли на станцию Шахеза, ... Потом на Чел... Это речки так назывались Чел, Удан, а по ним деревушки потом назвали. В этом селе семей 25-30 было, все русские, Реутовы там были, Мелентьевы Семен Егорович, Гостевские. Точно не помню. Жили на Нижнем Челе до 38 года, потом уехали в Бухидо, там прожили 2-3 года, и уехали в Медяны, а братья мамы (Реутовы) в Чапигу. Мне год был, когда они переехали в Медяны".

"...Азбучку учат, во всю избу кричат, — так у нас говорили (смеется). Да, у нас учителем был дедушка Автоном Куликов, а в Чапигу бабушка Марьяна учила нас, Валихова. ... Сколь я учился? Да перед Рождеством пост проучились 6 недель — вот и все. Мне уж пятнадцать лет было, а потом ишо у дедушки Автонома месяц проучился. Это в Ситохезе. У бабушки Марьяны учились мы в моленной, а у Автонома в его избушке. По целому дню учились, перерыв на обед и до вечера. Меня Азбучке-то мама дома немного учила, а с бабушкой

снова начали с Азбучки, 4 недели учили. А потом Псалтирь... А писать и решать тоже дома учил... А потом я учился на Великий пост у моего крестного крюковому пению. У Павла Черемнова".

"В Медянах у нас писарь был, его арестовали (в 1945 г.-авг), допрос сняли с него и отпустили... А потом тех, других мужиков послали линию налаживать.. их там и арестовали. ...Всех мужиков арестовали, оставили 2-х стариков Полушкина и Сотникова.... А жёны узнали уже только лет через тринадцать, когда их мужья отсидели, там один потом через Красный Крест искал семью... Вот тогда только и узнали. А раньше тоже писали мужики-никто не получал писем. Наверное, в пятьдесят третьем году получили. Мы жили в Ситохезе".

"Мы уходили из Ситохезы, у нас одна семья, кажется, ушла в СССР, а остальные за рубеж. Почему не СССР?... Не знаю, приехал Николай Прохорович, что ли, так он нам документы граждан России выписывал или вид на жительство? У нас ведь никаких документов не было... Меня, вишь, это не касалось, я не вникал. Я женился только в Бразилии. Мы выехали из Китая в пятьдесят девятом, в Гонконге год прожили. Красный крест разместил нас по гостиницам".

"Привезли нас на Куритибо, Парана, Понто Гросс. Нас немного летело: дедушка Кузнецов и мы. А остальные уже года два там жили в Бразилии в Понто Гросс. Организация купила имя земли, даже по трактору на село выдали. Домики таки построили, там тепло, жить можно... дома из досок делали. Это быстро. Мы приехали и прожили месяца 3 у зятя. Нам землю не давали. А только деньги. Тогда мы купили себе сами".

"Три поселка было. Одно родство туда шло, другое – туда. Вот в одном поселке Реутовы большинство, другом Чащины, Куликов, а в третьем Кузнецовы. Первый год посеяли. А трактор так делали: делали, кому достанется... И достался он Елифановичам, Реутовым... И вот оне за этот трактор людям опаживали, т.е. они владели, но другим бесплатно пахали сколь – то лет... по уговору как-то. Потом несколько семей купили складчину в долг трактор, вот пахали и выплачивали долг... Большинство сеяли рис. Ему не надо чеки. Это другой рис – суходольный. Его просто как хлеб сеяли, и он вырастал. Но вкусы такой нет, как на воде... Но ничего, можно, с голоду не умрешь... А потом перешли на бобы... как их маленькие, желтые кормовые? Да, соя..."

Счас сеют это большинство... Мы рис, в основном, продавали..."

"Личные участки тоже были, огороды. Кто че садил, картошку... Только все с удобрениями. Без удобрения ниче не вырастет.. Удобрения разные, все покупали. Ну наши-то садили в сачоке, удобряли навозом, тоже росло. И пашни тоже удобрять... У каждого по две-три коровы. Не знаю, как первым давали так скот или нет, но мы уже купили. Коровы там голландские, черно с белым. Коровы там "зебу" были ишо, но держали их богачи на больших полях. Эти коровы на мясо шли только. Быстро бегают, на конях можно убежать только... Скот держали в загончиках: огораживали, крышку делали, пол, привязывали, а на день выпускали. Не было ни овец, ни коней. По первости-то ишо кони были кое у кого, потом уже технику завели – не надо стало... Кто экономно жил, быстро поднимались, кто любил выпить... отставали. Вот на рисе и поднимались, да и счас его сеют, кто там живет..."

"А мы уехали из Бразилии в Уругвай: там земля без удобрения, рыбы там очень много – тридцать сортов. В 1966 г. уехали. Мы почти первые туда уехали, но там жили уже Филат Зыков, крестный Павел Черемнов, Иван Артемович Валихов, наши дяди, Ксенофонт Реутов, дедушка Садов, Иван Берестов. Наше место называлось Рио Negro. Землю там купили пятьдесят один гектар. Купили складчину, потом разделили. Рыбы, главное, там много было. Речная рыба. Ее было очень много, легкую сеточку забросишь, много поймашь. Разрешали ловить, кто сколь хочет... для себя, а если продать, то нужно заплатить... Воровства не было по первости никакого... Там главный центр Монтевидео, столица. К нам самый ближний был город Пайсанду. Городок 70 000 населения. Местное население там живет на фармах все, деревень там нет. А мы купили складчину землю, и все вместе жили, поселочком. Сначала мы работали, ходили на стороне, пололи, свекла там была сахарная. У уругвайцев. Этим и жили десять лет. На тракторах работали тоже по найму. Сами себе немного садили пшеницу, кукурузу. А потом с Аляски приехали братья и купили нам земли сорок пять гектар, вряд, коло этой. Ну, я свою долю продал односельчанам, а мы на той жили. Пшеницу, свеклу сеял по три гектара. Скота купили. У нас само много сорок голов было коров. Это ишо мало. Голландские и красные. Лошади тоже были, три, я на них по первости еще пахал... Потом трактор купил маленький, американский. Потом он совсем износился. Тут приехал Кузьмин с Аляски,

женился на нашей дочке Пелагее. А они там на Аляске хороши деньги делали, по 300000 тысяч в год. На рыбе. И вот она купила пятьсот сорок гектар себе в Уругвае. Двадцать километров от нашего поселка на реке Кипвай. Рыбное место хорошее. В Уругвае мы прожили четырнадцать лет. А из Уругвая мы сразу сюда в Россию. Просто все, кто с России, всегда думали, как бы сюда... Я всегда смотрел в эту сторону... Там все еще опасались, что в России коммунисты... Мы были в Москве, в Москве их не видали”.⁵⁷

Фефелов Петр: “Я родился в 1968 г. в Бразилии г. Санта-Крус. По первости родители еще рабочими были, занимались. Тятя рассказывал, что устраивался кладчиком кирпичика, потом стал хорошо зарабатывать.. Ниче он не говорил, что по первости им кто-то помогал... Я тоже не воспитан так, чтоб мне давали... Сначала работали так, организовывали группы и кто кем работал – не знаю. Сначала тятя работал с Иваном Анисимовичем, потом выкупил свой пай и стал сам себе работать... Купил себе грузовик. Все на нем можно было возить: зерно, сено... Когда переселились в 1974-75 годах стали кочевать в другу деревню – из Параны в Масале. И корову везли свою... все везли.. В Паране у нас было четырнадцать гектар. Отец так радовался – такое большое поле, сеял, убирал, то одно поле, то другое... А в Масале он купил сразу семьсот гектар. Мама говорила: “Это ужас, сколько земли”. Но вся она час разработана и засеяна. У нас на полу в доме было написано 1975 г.”

“Как переезжали, так всё на тракторах с собой ташили, в палатках жили. Как чистили, сжигали все, а потом на этой земле посеяли дыни, арбузы... овощи... Так все narosло!!! Мы малыши наедались так арбузами... Арбуз такой, что не можешь нести. Помню я, шесть лет мне было, как приехали... Много пережили чего. А там были такие мураши “докумбира” их называли. Они два раз ужалят, считалось как змея укусит... Меня жали. Дом кирпичный тятя начал строить в 1981 г. А до этого в палатках, потом деревянный из досок дом. А пол из коровьева говна смешивали с чем-то и обмазывали, чтоб пыли не было... Ой! Мать меня заставляла, я мазал, не хотел! Но запаха не было как-то... Дом большой кирпичный, четыре комнаты... Девчонки жили отдельно, мальчишки отдельно. Старший брат женился – ему отдельную комнату, у родителей тоже отдельно”.

⁵⁷ ПД №28.С.35, 42-48

“Да, змей там много. Мы не видели таких удавов, которые коров глотали.. А вообще четырехметрового я ловил в сетку. А были там такие маленькие змейки, она так быстро бегать, что ты не можешь от нее убежать. Только палкой надо убивать, так не убежишь”.

“Да, много лет ушло на расчистку земли от леса: приехали малышами, а потом я уж женился. Сами чистили. У нас трактор был, пилим, валим деревья... Большие лесины оставляли, а попоныше, трактором валили... потом сжигали... Последний лес убрали, я в 1987 г. женился... Разом-то ее не сделаешь. Обработам кусок, он дает доход, дальше идем... Доход только через четыре-пять лет... А расходу много... Удобрений очень много надо... Поначалу сыпали по три мешка... Думали: о, много! А потом рис не урожается... Насыпьте четырехста кил говорят. А это шешнадцать мешков на гектар!! Да. А не посыпешь – ни-че-го не будет!!! Вот здесь (в Дерсу) я увидел, картошку едят бухашки. Я говорю, что нужно орошать. Мне говорят: “Мы никогда не орошаем. Сколь будет, столь и будет”. Вот час я полон, картошечка... возьмешь ее – свеженька... хрум-хрум-хрум... как она приятна... А вот в Паране кто садит картошку, там нужно о-очень много раз орошать: от всяких болезней, от всякой микробы... Вот здесь хоть поедим овощи без всякой отравы... Вот я там положил пятьсот кил на гектар удобрений – не уродилось, тогда я шестьсот кил положил... А расходы-то больше... Вот у меня только тридцать два мешка уродило... я в долгу остался... Двести сорок четыре тысячи долларов я остался должен... Я разбросил этот долг на сколь годов и все потом рассчитывался... Трудно там.”

“У нас в двадцать два года уже взрослый считается. Отец отделяет его с участком. Ивану старшему он отдал девяносто гектар. Отец говорил: “У меня семь детей – семьсот гектар. Каждому по сто”.

“Родители там (в Южной Америке) остались, старший брат тоже. Он фруктами занимается, ананасы, уже до миллиона корней дошел... Ананасам хороший уход нужен... Они на земле растут. Вот ананас плод даст, и его уже убирать надо, а плод он дает один. Он тебе отrostки дает, тогда ты их снова садишь... Новый отrostок даст урожай только на следующий год. Само главное, чтобы много их сдать, а стоят они по пятьдесят-шестьдесят центов. Если ананас вырастает до двух-трех кил, то будет стоить один доллар, а если меньше, то меньше стоит. Его поливать надо обязательно, убирают вручную”.

“Федор сюда не поедет. Он там выращивает картошку, тыквы. Он там земли купил два-три гектара. А это для Уругвая уже хорошо. Григорий остался с родителями. Но он тоже там, отец арендовал землю, Григорий саял. В Бразилии там можно скота закармливать – и уже копейки. Рыба у нас хорошо ведется. Но рыбой из стартеров никто не занимается, только для себя. Там рыба, как наш карась, карпы, но она невкусная рыба, илом пахнет...”

“Пчелами занимаемся, ну, понемножку только для себя. А неверные там много пасеки держат. Из бразильян. Ну, они как – наварят сахару и поставят, чтоб они таскали. Вот какой толк? Цветков-то там нет так диких, все в орошении, куды пчела пойдет? Самолет летает, орошает. Пчела если сядет на че – сразу пропадет: химия. К речке там в низинке пойдешь, а там как туман – все это химия! Огурцы, помидоры тоже с химией выращивают. Редиска там хорошо растет. Посадил – она уже через две недели выросла. Морковка тоже. Поначалу как приехали – все хорошо росло, а стали орошать – все хуже.”

“В Уругвае сорок гектар, в Бразилии пятнадцать-двадцать гектар хорошо, можно жить. Скот для себя дешево держать. У нас всегда по три-четыре коровы было. А есть белые коровы, им не надо корма заготавливать, она сама ходит кормится. Это зебу. У них очень вкусное мясо. Мясо нашей голландской коровы и зебу отличается. Они живее, она только родится, и ты его не догонишь! Трактор со всем инструментом должен быть. Но у меня было два трактора, один по-слабее на восемьдесят сил, другой посильнее. Справлялся двумя. Налог у нас только, если землю имеешь, то платишь как госпошлина, что-то такое... А таких налогов там нет, как за воду... В Канаде сумасшедшие налоги. Ты хорошо получаешь – много платишь налогов. Там как, ты построил дом, обязан застраховать его. Ты говоришь: дом стоит миллион. Хорошо. Но ты за него будешь платить огромные деньги, покуль он не сторит у тебя... И в Канаде стартеры все-е так, по другому там нельзя, нельзя! Вот у меня дядя Мефодий Лаврентьевич Рыжков. Ой, у него так много земли, техники, людей работает.”

“Один знакомый экономил на удобрениях, не сыпал, ну урожай ничего снял, на следующий год еще выжал с нее без удобрения. Я говорю, что ты делаешь, ты ж с земли все выжмешь, потом она вообще не будет родить... нет, надо думать на будущее...”

“Мы женились и жили с родителями год еще, потом стали строиться. Строил дом нам отец. Так он всем сыновьям сделал. А я –

своим. Должен им дать землю, купить или построить дом. Такая у нас традиция. Учиться я в институтах не учился, ну, в русской школе там сколько-то проучился... Я сам покупал себе русские книжки, читал, скорописью могу писать... Мне нужны специальные знания. Меня в школу отдавали. Учил нас там дед Данила Берестов.”

“Я в армии тамшней три дня был. В то время все хозяйство на мне было, сеяли тогда семьсот гектар, я присматривал за рабочими... все делал... Тогда мы пошли к начальнику, все это объяснить. Он сказал: “Хорошо. Если мы таких будем в армию забирать, тогда, кто ж останется, кто нас питает? Этого мы оставим, а забирать же шантропу в городе, чтоб людей не баламутили”. 58

Через несколько дней мы уехали из Дерсу.

От редакции.

Материал проиллюстрирован фотографиями полученными во время полевой экспедиции.

